

МЭРИ ЛУ ЛОНГВОРТ

СМЕРТЬ  
НА ВИНОГРАДНИКЕ



чай, кофе  
и убийства

Чай, кофе и убийства

Мэри Лу Лонгворт

**Смерть на винограднике**

«АСТ»

2013

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

### **Лонгворт М.**

Смерть на винограднике / М. Лонгворт — «АСТ», 2013 — (Чай, кофе и убийства)

ISBN 978-5-17-100091-2

Новое запутанное дело Верлака и Бонне – дело о загадочном убийстве Полин д'Аррас, супруги одного из самых богатых и знатных людей Прованса, чье тело было обнаружено на винограднике, принадлежащем известному виноделу Оливье Боннару. Интересно, что этому преступлению предшествовали два странных происшествия: похищение из погребов Боннара нескольких бутылок раритетных вин и вроде бы ничем не мотивированный нервный срыв мадам д'Аррас, с рыданиями блуждавшей по улицам городка в домашней одежде. Совпадения? Верлак и Бонне уверены: таких совпадений не бывает и эти события как-то связаны с убийством. Но как?..

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-100091-2

© Лонгворт М., 2013

© АСТ, 2013

## Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

# Мэри Лу Лонгворт

## Смерть на винограднике

### *Роман*

Mary Lou Longworth

Death in the Vines

© Mary Lou Longworth, 2013

© Перевод. У.В. Сапцина, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

*Памяти*

*Сандры Лоренц О'Хейган (1946–2012)*

*и*

*Дэвида Юинга Коутса (1929–2012)*

## Глава 1

### Доля ангелов<sup>1</sup>

Оливье Боннар сидел на нижней каменной ступеньке своего винного погреба, обхватив обеими руками голову, словно в попытке усмирить мигрень. Запустив мозолистые пальцы в густые седеющие волосы, он застонал. Потом взглянул на морской гребешок, вросший в каменную стену погреба, подался вперед и осторожно коснулся его. Таков был его тайный ритуал, которому он следовал каждый раз при входе в погреб с тех пор, как помнил себя. Эта ракушка служила напоминанием о том, что миллионы лет назад на месте большей части юга Франции плескалось море, а земля, на которой сейчас росли лозы, была скрыта глубоко под соленой водой. В стенах погребов у друзей Оливье тоже попадались морские окаменелости. Их можно было встретить на виноградниках, расположенных далеко на севере, вплоть до самого Люберона и долины Роны, но этот маленький, идеальной формы гребешок был его любимым. Оливье снова провел руками по волосам, стараясь не расплакаться. В последний раз он плакал восемь лет назад, на похоронах матери.

Он вздохнул и заставил себя посмотреть на винные стеллажи, достал карандаш и лист бумаги из кармана стеганой куртки – в погребе поддерживалась постоянная температура плюс шестнадцать градусов по Цельсию, отсюда и куртка, несмотря на начало сентября, – и начал писать. В список попали два магнума – полуторалитровые бутылки – красного вина 1989 года, один магnum белого 1975 года, три бутылки красного 1954 года (его Оливье особенно любил), две бутылки белого 1978 года (староваты для белого, наверняка уже выдохлись), три бутылки красного 1946 года (первый винтаж после шести лет войны, любимое вино его отца) и магnum 1929 года – самая последняя бутылка первого розлива его деда.

Оливье составлял список несколько минут, потом отложил ручку и остановился. Пропали и другие бутылки, но ему требовалась передышка. Вина принадлежали его семье, но Боннар даже не пытался хотя бы приблизительно прикинуть стоимость бутылки урожая 1929-го или 1946 года: и та, и другая уже относились к категории коллекционных. Его страховой агент из Экса поможет с оценкой: у него в конторе есть каталоги винных аукционов «Сотбис» и «Кристис». Поль – давний, еще школьный товарищ, и с Оливье он не станет мелочиться.

Боннар был просто раздавлен пропажей вин, многие из которых разливали по бутылкам еще его отец и дед, но когда понял, что вор – кто-то из близких ему людей, на глаза навернулись слезы. Несмотря на то что погреб держали запертым, все в семье Оливье знали, где найти ключ: он висел справа от кухонной двери с тех пор, как сам Оливье был мальчишкой. Кто еще знал, где хранится этот ключ? Несмотря на замерзшие руки и ноги, Оливье бросило в жар, пока перед его мысленным взором проходили знакомые лица. Друзья, соседи, приятели – ужасно было представлять их в роли подозреваемых на допросе в полиции. Среди них был и почтальон Реми, любивший заехать к ним на своем дряхлом мопеде «мобилетт», или же, когда он приезжал не по служебным надобностям, – подкатить на побитом фургоне к самой двери кухни; и Элен, которая управляла его поместьем и занимала должность старшего винодела, – впрочем, ее муж служил в полиции, поэтому Оливье сразу вычеркнул Элен из списка, – и Сирил, его второй и последний наемный работник на полный рабочий день, круглый год помогавший на винодельне; и Сандрин, студентка местного университета, которая хозяйничала в дегустационном зале по выходным и праздничным дням и которую Оливье нанял, честно говоря, скорее за красивые глаза, чем за познания в области вин или способность правильно отсчитать сдачу. Каждый год в поместье толпами являлись собирать виноград выходцы из Северной Африки,

---

<sup>1</sup> Количество алкогольного напитка, испарившегося за время выдерживания в бочках. – Здесь и далее примеч. пер.

но к дому они приближались редко, а Оливье, подозревая их в краже, чувствовал себя расистом – они так рвались работать во время vendange<sup>2</sup>, изнурительного труда, за который Оливье с радостью брался, будучи студентом, и от которого в нынешние времена отказывалось столько молодых французов.

Затем Оливье задумался о своих родных, но представлял их не на допросе во Дворце правосудия, а сидящими за обеденным столом, и не в элегантной столовой усадьбы – бастиды, где предпочитала трапезничать его жена, а за длинным деревянным столом в кухне, перед жарко пылающим камином. Обычно эта отрадная картина вызывала у него улыбку, но сегодня желудок словно скрутило в тугой узел. У Элизы, на которой он женился двадцать лет назад, не было никаких причин переключать вина на другое место. Несмотря на то что Элиза полностью поддерживала Боннара в его работе на винодельне, она была трезвенницей, а к ее увлечениям относилась скорее студия дизайнера в Эксе, которой она владела вместе с подругой, чем технические сорта винограда – сира, гренаш и мурведр. Оливье представить себе не мог, зачем Виктору, его восемнадцатилетнему сыну, полюбившему землю и лозы с тех пор, как он научился ходить, понадобилось красть драгоценные бутылки, – как и его гордости и отраде, тринадцатилетней Кларе, вечно уткнувшейся носом в книгу, лучшей ученице класса с первых дней начальной школы. Отец Оливье жил вместе с семьей сына, на нижнем этаже отдельного крыла большого дома XVIII века. В свои семьдесят три года Альбер Боннар был еще крепок здоровьем, но начинал быстро утомляться и мало-помалу терял память. Не далее как на прошлой неделе Оливье застал отца медленно бродившим между рядами лоз: он беседовал с ними и благодарил за щедрый урожай этого года.

Оливье поднялся, чтобы размять затекшие ноги. Погрузившись в раздумья, он и не заметил, как просидел на ступеньке в погребе почти час. Услышав, как кто-то спускается по лестнице в погреб, он резко обернулся. А что, если придется столкнуться лицом к лицу с вором, вернувшимся, чтобы прихватить еще несколько бутылок шестидесятых годов, которые он – или она, мысленно поправился Оливье, не желая быть сексистом, – проглядел в первый раз?

– Я увидела, что горит свет. Выбираешь вино к завтрашнему ужину? – спросила мужа Элиза Боннар. – Ой! – воскликнула она. – У тебя на лбу написано, что ты напрочь забыл про ужин с Пойе!

Оливье всегда был рад видеть жену, в браке с которой прожил много лет, а сегодня днем – особенно. Хоть Элиза и не пила спиртное, но была тонким ценителем вина и любила ездить в дегустационные туры вместе с Оливье по всей Франции, а иногда и за границу. В прошлом году они побывали в Аргентине в рамках обмена между южноамериканскими и французскими виноделами. При виде Элизы Оливье понял, насколько ему повезло с женой и как она нужна ему. Его глаза наполнились слезами, плечи поникли и задрожали.

Элиза Боннар вновь взглянула на обычно очень сдержанного мужа, и улыбка исчезла с ее лица. Она сбежала с последних ступеней и порывисто обняла Оливье.

– Mon amour?<sup>3</sup>

В тот же миг Оливье Боннар вздрогнул, и слезы потекли ручьем, прерываемые громкими всхлипами. Элиза Боннар поспешно достала из кармана бумажные платки и протянула мужу. Оливье невнятно поблагодарил ее, несколько раз высморкался и вздохнул. Затем сделал глубокий вдох и выдох, еще раз, и еще, чтобы успокоиться, – супруги и детей учили так делать, когда тем случалось ушибиться или расстроиться. Только потом Оливье повернулся и молча указал на пустые ячейки винного стеллажа.

– Что произошло?! – ахнула Элиза. Она шагнула ближе к стеллажам, словно не верила собственным глазам. Четыре поколения семьи Боннар делали вино на этой же самой вино-

---

<sup>2</sup> Сбор винограда (*фр.*).

<sup>3</sup> Моя любовь? (*фр.*)

дельне близ Роны, в тридцати минутах езды на север от Экс-ан-Прованса, с тех самых пор, как прадед Оливье купил здесь землю вместе с ветхой бастидой в конце XIX века. Теперь поместье было тщательно отреставрировано и внесено в список исторических сооружений. Немало ранних вин, произведенных здесь, заслужило похвалу самых видных критиков; сам мистер Колтер приезжал из Америки раз в год ради дегустации и оценки вин Боннаров. Элиза невольно задумалась об этом критике: всемирно знаменитый и очень влиятельный, о чем не уставал напоминать ей Оливье, он держался скромно и просто, общаться с ним было легко, и он живо интересовался всем, что происходило в здешних местах. Однажды он даже попросил у Элизы рецепт ее *гужеров* – заварных булочек с сыром.

– Много бутылок недостает? – наконец спросила Элиза. На секунду-другую она закрыла глаза и молча вознесла благодарственную молитву. Увидев мужа в слезах, она боялась услышать, что у него рак или что они разорены. Да, пропавшие вина заменить нечем, но они делают еще, будут и другие коллекционные урожаи. Элизу пугало другое: что кто-то проник в погреб, никем не замеченный.

– Я досчитал до двадцать третьей бутылки, среди них были и магнумы. Когда немного приду в себя, придется пересмотреть все. Странно, что пропало не все подряд, а одна бутылка там, две тут.

– Может, кто-нибудь оставил дверь погреба незапертой? – предположила Элиза.

– Она была заперта, когда я вошел сюда примерно час назад, и ключ висел на обычном месте в кухне. Неужели вор удосужился бы запереть дверь и вернуть ключ на место? И потом, я все утро работал во дворе, пытался починить треклятый трактор. С того места дверь погреба видна как на ладони.

Элиза вздохнула, но промолчала. Они владели поместьем, стоимость которого исчислялась миллионами, а ее муж упрямо продолжал чинить технику своими силами.

– А когда ты в последний раз заходил в эту часть погреба? – спросила она.

Боннар поморщился.

– Вопрос в самую точку. стыдно признаться, но несколько месяцев назад.

Винные погреба Боннаров тянулись на много метров под их каменным домом. Как правило, Оливье проводил дни на винодельне, размещавшейся в отреставрированных конюшнях по соседству с амбаром. Там хватало места и для гигантских чанов из нержавеющей стали, и для бесчисленных рядов дубовых бочек в дальних помещениях. А в *ancienne cave*<sup>4</sup>, как они всегда называли погреб, расположенный точно под кухней, хранились выдающиеся фамильные вина. Земляной пол был усыпан мелкой галькой, старая бочка, которой пользовался еще дед Оливье, служила столом. Табуреты у стола Элиза заказала по каталогу «Ла Редут». Развесив по стенам праздничную белую гирлянду лампочек, они провели в погребе немало вечеров, кутаясь в шерстяные свитеры и дегустируя вина вместе с друзьями.

– Должно же быть этому какое-то разумное объяснение, – заявила Элиза, уперев руки в бока.

– Какое, например? Испарение?

– Слушай, дорогой, я позову Виктора и попрошу его помочь тебе провести ревизию: он знает эти бутылки наизусть с пятилетнего возраста. – Элиза засмеялась и в попытке немного рассеять напряжение добавила: – В школе математика ему не давалась, а здесь, в погребе, он был виртуозом!

Она повернулась, чтобы уйти, но Оливье удержал ее за рукав.

– Ты что? – спросила она.

---

<sup>4</sup> Старый погреб (*фр.*).

– Виктор, – ответил ее муж с таким видом, словно был и напуган, и в то же время разъярен. Элиза вздрогнула. В последний раз такое же выражение на лице мужа она видела, когда четырнадцатилетний Виктор угнал их машину ради забавы, чтобы покататься по городку.

Теперь Элиза понимала, чего боится ее муж.

– Виктор? Ты думаешь? Но зачем ему эти бутылки?

– Ради денег, – пожал плечами Оливье. На его лице отчетливее проступил страх. – Не нравятся мне эти ребята из Экса, с которыми он связался. Может, они и подбили его на это дело? Или он был вынужден согласиться – ну, знаешь, если ему угрожали? Он же всегда следовал за лидером, а не был им. – Оливье не решился добавить, что лидер в семье – Клара.

Элиза прикусила нижнюю губу, как делала всегда, когда нервничала.

– Мне тоже не по душе эти его новые друзья, но в последнее время Виктор редко с ними видится. По-моему, этот этап для него уже в прошлом. Сегодня он собирался в кино с Жеромом и Томá.

Братья Жером и Томá Клерг были сыновьями ближайших соседей Боннаров, еще одной семьи виноделов. Жан-Жак Клерг купил участок земли в подарок самому себе сразу после раннего выхода на пенсию. Он сколотил состояние, работая на «Голдман Сакс» в Лондоне, а потом, по выражению местных жителей, «монетизировал» его и поселился в Провансе в сравнительно молодом возрасте – тридцати семи лет, когда его сыновья только учились ходить. Две семьи сразу сдружились. Элиза была убеждена, что жена Жан-Жака, англичанка Люси, родившаяся и выросшая в Лондоне, во французской провинции и двух месяцев не продержится. Но именно Люси научила Элизу печь абрикосовые пироги с песочной корочкой, и не кто-нибудь, а Люси каждую зиму помогала Оливье с обрезкой веток оливок. Но лучшим из сюрпризов оказался еще один: пройдя интенсивный курс энологии, Жан-Жак Клерг начал производить бесподобные вина. Вместе со старшим виноделом Оливье, Элен Полик и Марком Нажелем из Вара Клерг поднял знамя вин юго-востока Франции. Остальные виноделы региона учились у прославленного трио, и качество местных апелласьонов неуклонно улучшалось.

Оливье и Элиза застыли: по ступеням лестницы, выбивая из них пыль, загрохотала пара черных «конверсов».

– Легко на помине... – пробормотал под нос Оливье Боннар.

– О, а я вас везде ищу! – воскликнул Виктор Боннар. – Мам, когда ужин? Кино в восемь в Эксе. Нам надо успеть на автобус в семь десять. – Виктор посмотрел на мать, но та молчала. Он перевел взгляд на отца, но молчал и тот. У мальчишки мелькнула мысль, что родители поссорились. В горле встал ком. Наверное, обсуждали развод, как мать и отец его приятеля Люка.

Оливье повернулся к стеллажу с бутылками и широким взмахом руки предложил Виктору взглянуть на опустевшие ячейки.

– Что произошло?! – изумился Виктор.

– Вот и мама сказала то же самое.

Виктор Боннар перепуганным зверьком заметался туда-сюда возле стеллажа. Элиза взглянула на мужа и выразительно подняла брови, словно говоря: «Видишь? Он удивился так же, как и мы».

– Бутылка двадцать девятого года пропала! Жуть! – завопил Виктор, пробегая вдоль стеллажа и то и дело наклоняясь, чтобы взглянуть на этикетки. – А дед знает?

– Нет, он пошел вздремнуть. Боюсь даже заводить с ним этот разговор, – признался Оливье.

– Но кто мог это сделать? – спросил Виктор, адресуя свой вопрос в пустоту.

– Я как раз хотел узнать об этом у тебя, – ответил Оливье Боннар, и едва слова сорвались с языка, пожалел о них.

Виктор ошеломленно замер.

– Пап, ты что? – Он густо покраснел и вдруг хватил по сырой стене погреба кулаком, ободрав кожу. – Ну, спасибо тебе огромное, папа! – выкрикнул он, взбежал по лестнице и оглушительно хлопнул дверью.

– Bravo, chéri<sup>5</sup>, – со вздохом сказала Элиза мужу и тоже направилась вверх по лестнице, навстречу заходящему солнцу.

– Ну что же... – вздохнул Оливье Боннар, обращаясь к самому себе. Первым делом он пойдет и извинится перед Виктором, потом сядет в машину и поедет в Экс, к своему другу из страховой компании. Прошло несколько недель с последней поездки Оливье в город: слишком уж много хлопот доставил ему необычно сырой конец нынешнего августа. Вместе с Элен он переставлял бочки молодого годовалого вина в погреб для второго года хранения, чтобы освободить место для вин нового урожая. Покончив с этим делом, Оливье и Сирил принялись передвигать оборудование и расчищать место для давилок и прессов под новый урожай винограда, – точнее, занимались этим делом, пока не сломался трактор. Предстояло еще много работы в погребе. Боннар взялся доливать бочки, объясняя откровенно скучающей Сандрин, что через деревянные стенки бочек испаряется пять процентов содержимого. Обычно за это дело охотно брался Виктор, но на этот раз Оливье попросил о помощи Сандрин, надеясь, что благодаря этому она будет лучше понимать процесс изготовления вина. К тому же он рассчитывал, что Виктор сосредоточится на учебе: они договорились, что в последний школьный год он засядет за учебники, чтобы получить хоть сколько-нибудь приличную оценку за «бак» – зубодробительный выпускной экзамен. Когда Виктор был еще совсем маленьким, Оливье объяснил ему, что потери вина из бочек называются долей ангелов, как когда-то объяснял самому Оливье его отец, Альбер. Улыбаясь, Оливье вспомнил, как шестилетний Виктор долго приглядывался к бочке, ходил вокруг нее и подставлял сложенные ковшиком ладошки, думая, что в них закапает утекающее красное вино.

Покончив с делами в Эксе, Боннар собирался пешком сходить к Жан-Жаку Клергу и пригласить его в гости. Жан-Жак наверняка даст дельный совет. Оливье хотелось выпить с другом прямо в погребе, в окружении остатков своей коллекции вин. Как и его товарищи, истинные *vignerons*<sup>6</sup>, Боннар старался не злоупотреблять спиртным. Но сегодня он, пожалуй, даст себе волю. Бонвиван Жан-Жак, возможно, прихватит парочку кубинских сигар: Оливье выкурил такую в компании судьи из Экса во время своего предыдущего визита и с тех пор пристрастился к сигарам. Элиза наверняка объявит ему бойкот – ну и пусть. Оливье Боннар поднялся по лестнице из погреба, выключил свет, закрыл и запер дверь и на этот раз положил ключ в карман.

---

<sup>5</sup> Дорогой (*фр.*).

<sup>6</sup> Виноделы (*фр.*).

## Глава 2

### Последний базарный день

В этот ничем не примечательный вторник мадам Полин Даррас в последний раз побывала на рынке. Для сентября было довольно тепло, но она надела поверх шелковой блузки легкий хлопковый свитер. Утреннее солнце стояло высоко и светило ярко, небо было голубым, и чем ближе Полин подходила к Дворцу правосудия и площади перед ним, на которой трижды в неделю открывался рынок, тем отчетливее слышался шум. Собачка Полин, Коко, в возбуждении рвалась вперед, зная, что сегодня базарный день. Мадам придерживала поводок и улыбалась, глядя на Коко: собачка обожала базары, особенно патрульных полицейских на мотоциклах.

Извилистым путем мадам Даррас прошла мимо занимающих самые большие прилавки торговцев фруктами и овощами и демонстративно нахмурилась, поглядывая на них. Всякий, кто продавал бананы, ананасы и лаймы, явно не растил их в Провансе, а закупал оптом на складах в Марселе. Любимец мадам, зеленщик Мартин, держал небольшую палатку в дальнем конце базарной площади и продавал экологически чистые овощи, которые сам выращивал на ферме к северу от Экса. Пробираясь сквозь небольшую толпу туристов, увлеченно фотографирующих специи, мадам Даррас нарочно толкала их своей корзинкой посильнее: неужели этим людям невдомек, что кое-кому приходится ходить на рынок действительно за покупками да еще готовить еду? Мадам Даррас улыбалась, приближаясь к прилавку Мартина, но улыбка сошла с ее лица при виде очереди. «Стало быть, и другие жители Экса распробовали превосходный товар Мартина», – подумала она. Придется постоять в очереди и опоздать с обедом как минимум на пятнадцать минут. Но если взяться за стряпню сразу же после прихода домой, а не тратить время на чай, обед будет готов в обычное время. Она взяла одну из пластиковых мисок, которые Мартин оставлял на выложенном горкой розовом картофеле, и принялась отбирать овощи для *pot-au-feu*<sup>7</sup>, который решила приготовить к ужину: репу, морковь, картошку, лук-порей, репчатый лук и чеснок. Говядину она купит в «Королевском мяснике» – «наверняка и там очередь». А на обед у них с Жилем будут свиные отбивные с зеленой фасолью – готовятся они быстро и просто, Жиль их обожает.

– И ты тоже, Коко, – да, детка? – добавила она, глядя сверху вниз на собаку.

Внезапно она услышала, что кто-то обращается к ней, и резко вскинула голову.

– Мадам? – Мартин улыбался, но взгляд у него был тревожным.

Взяв себя в руки, мадам Даррас улыбнулась Мартину. «Какие же у него чудесные большие руки, – думала она, – вот только слишком грязные. Хотела бы я знать, давно ли он меня зовет». Она помнила, как беседовала с Коко, но как долго это продолжалось? Она отдала Мартину миску с выбранными овощами.

– Voilà<sup>8</sup>, – сказала она.

– Похоже, у кого-то к ужину будет *pot-au-feu*, – весело заметил Мартин.

– Верно, – кивнула она. – И вкусно, и недорого... Ну, если не считать говядину.

Она бросила взгляд на лавку «Королевский мясник», надеясь хотя бы прикинуть, насколько длинна очередь, но так и не разглядела сквозь стекла. Пожалуй, хороший признак: дверь закрыта, значит, очередь еще помещается в лавке, а не растянулась по площади, как порой бывало по субботам.

---

<sup>7</sup> Потофё (букв. «котелок на огне», *фр.*) – два блюда в одном: говядина с овощами и густой бульон, в котором тушились эти ингредиенты.

<sup>8</sup> Здесь (*фр.*).

Мартин старательно взвешивал овощи: он знал, что мадам Даррас не спускает с весов ястребиного взгляда. Он посмотрел на ее тщательно уложенные светлые волосы и очки в дизайнерской оправе: мадам принадлежала к числу жителей Экса, возраст которых не поддавался определению, – где-то между шестьюдесятью и семьюдесятью пятью. Мадам Даррас была цепкой и упрямой старушкой, но нравилась Мартину. Она стала его первой покупательницей, когда он еще был единственным на весь рынок продавцом экологически чистых овощей. Он так долго ждал, когда из мэрии придет разрешение завести овощную палатку, первоначальный взнос чуть не разорил его, но теперь палатка окупалась, особенно по субботам. Как правило, весь товар он распродал уже к полудню.

Мадам разговорилась с другой женщиной из очереди: обе собирались этим вечером готовить *pot-au-feu* и сравнивали рецепты. Мартин так и не понял, знакомы эти дамы или нет. Экс, где он работал, приносил ему неплохую выручку, но по сравнению с деревушкой к северу от Маноска, где он жил, этот город по-прежнему оставался совершенно чуждой территорией, привилегированной и богатой. Мартин не знал, то ли мадам Даррас и вправду любопытна от природы, потому и не упускает случая поболтать с кем-нибудь, то ли она просто назойливая сплетница. Скорее всего ее любопытство эгоистично и своекорыстно, но Мартин все равно беспокоился за нее: хотя она и приходила за покупками сама, умело выбирала овощи и помнила рецепты, в последние несколько недель ее мысли все чаще витали где-то далеко. Она не слышала, что он обращается к ней, и ее глаза казались остекленевшими, почти желтыми.

– Вот, прошу, мадам Даррас. Семь евро и тринадцать сантимов, будьте добры. – В ее корзинку он уложил также пучок петрушки в качестве подарка.

Мадам Даррас бережно достала кошелек от «Эрмес», подарок племянника, и неторопливо отсчитала деньги.

Мартин с улыбкой поблагодарил ее, и она понесла свою корзину обратно через толпу покупателей и продавцов, по пути остановившись полюбоваться подсолнухами, которые продавал какой-то фермер. Покупать их она так и не надумала, потому что корзину и без того несла с трудом – овощи оказались тяжелыми, – но все-таки зашла к мяснику. В длинном и узком мясном магазине тянулась очередь, и мадам Даррас быстро проскользнула в глубину магазина, где образовалась вторая очередь, короткая, состоявшая из привилегированных и посвященных. Улыбаясь и кивая знакомым из числа покупателей, мадам Даррас ждала и старалась усмирить Коко, которая уже начинала терять терпение. Перед ней стояла какая-то молодая американка, занятая разговором со своим малышом лет двух, сидевшим в прогулочной колясочке. Наклонившись и делая вид, будто бы разглядывает вырезку, мадам Даррас мало-помалу протискивалась в обход *l'Américaine*<sup>9</sup>, которая или ничего не замечала, или была слишком вежлива, чтобы осадить старушку, лезущую без очереди. Но когда мадам Даррас выпрямилась, то наткнулась прямо на колясочку, которую американка ловким движением поставила прямо перед ней, преграждая путь.

– Il faut attendre, madame<sup>10</sup>, – сказала молодая женщина на хорошем французском, хотя и с резким акцентом.

Мадам Даррас фыркнула, притворившись, что не понимает, и заговорила с Коко. Ее возмутило, что эта девчонка не только загородила ей дорогу, но и знала местную тайну – систему двух очередей.

– Мадам Даррас! – воскликнул мясник и хозяин заведения Анри, когда наконец подошла ее очередь. – Какая же вы сегодня красавица!

Мадам Даррас зарумянилась.

– Каждому следует хотя бы стараться выглядеть презентабельно, каким бы ни был день.

---

<sup>9</sup> Американка (*фр.*).

<sup>10</sup> Придется подождать, мадам (*фр.*).

– И то правда, – согласился мясник. – Что же прекрасная мадам желает приготовить для своего счастливого мужа?

Отвечать ей не хотелось, но слово вырвалось само собой:

– Pot-au-feu.

– Ну, тогда позвольте предложить для вашего pot-au-feu кусок отборной говяжьей вырезки и немного телятины.

– Телятины? – с сомнением повторила мадам Даррас. Такая покупка обойдется гораздо дороже. Другие продавцы обычно предлагали ей только говядину.

– Ну конечно, телятины! Но если мадам возражает...

– Нет-нет, пожалуй, вы правы... кусочек телятины способен сотворить настоящее чудо, не так ли?

Ей не хотелось, чтобы Анри, а в особенности эта сплетница мадам де Коррез, подумали, что она экономит и жметса.

Опытный продавец Анри с улыбкой отрезал кусок нежной телятины и прибавил к купленной ею говядине.

Мадам Даррас забрала мясо и встала еще в одну очередь, чтобы расплатиться, зная по опыту, что дочь Анри, сидящая за кассой, на редкость расторопна и толкова. Не прошло и нескольких минут, как мадам уже возвращалась по улице Эмерик-Давид к себе домой. Коко, которая совсем извелась от усталости и голода, она несла на руках. Проходя мимо дома номер шестнадцать, мадам остановилась и нахмурилась. Ее сосед, молодой выскочка-нувориш, стоял у дверей «Отель де Панисс-Пассис», беседуя с рабочими, сооружающими строительные леса. Филипп Леридон несколько лет назад купил величественный особняк, который с тех пор стоял притихший и пустой, пока его новый хозяин жил в Марокко и, как сказал мадам Даррас ее муж, зарабатывал миллионы на сети роскошных отелей. Слегка поблекший, но элегантный особняк XVIII века он приобрел из прихоти, проводя отпуск в Эксе, а совсем недавно, в этом году, продал свою сеть отелей и перебрался жить в Экс. Рабочие сновали вокруг особняка уже несколько недель, шум стоял целыми днями, даже по субботам, а в квартире мадам Даррас от их отбойных молотков в стенах появились трещины. Она напомнила себе сегодня же позвонить своему адвокату и ускорила шаг, радуясь – нет, гордясь! – что способна справляться с такими делами самостоятельно, без помощи мужа.

Возглас Филиппа Леридона «Bonjour, madame d'Arras!» вывел ее из задумчивости, но она, не останавливаясь, прошла к «Отель де Барле» – следующему зданию по той же улице, под номером восемнадцать. Прежде чем вставить ключ в замок, она повернулась к Леридону и крикнула, старательно демонстрируя безукоризненный выговор:

– И вам добрый день, месье! Мой адвокат свяжется с вами.

Слыша за спиной невнятные протестующие возгласы Леридона, она быстро вошла в прекрасно сохранившийся вестибюль особняка XVIII века и закрыла дверь. Двери в ее доме хотя и не были украшены резьбой так богато, как в «Паниссе», но, на ее взгляд, выглядели гораздо лучше и элегантнее. Резьба на двери «Отель де Панисс» казалась беспорядочной мешаниной листвы, мечей, корон и лент, слишком броской и крикливой, совсем как новый хозяин особняка, обладатель резкого южного акцента и баснословно дорогой иномарки, которой на улице Эмерик-Давид едва хватало места, чтобы развернуться.

Постояв в холле, мадам Даррас вздохнула, слишком усталая, чтобы забрать почту, которую почтальон оставил на мраморной консоли у входа, и медленно побрела вверх по лестнице к своей квартире на втором этаже. Отпущенная с рук Коко затыкала и вприпрыжку бросилась по лестнице. Мадам Даррас отперла дверь – это всегда отнимало некоторое время, поскольку дверь запиралась на три комплекта замков, – и наконец они с Коко вошли. Закрыв за собой дверь, хозяйка квартиры, сопровождаемая по пятам Коко, сразу направилась на кухню и принялась выкладывать покупки на кухонный стол. Потом устало присела к маленькому белому

столику, за которым едва хватало места за завтраком ей и Жилю. Что-то не давало ей покоя, но она никак не могла понять, что именно. Может, очереди? Нет, стоять пришлось не так уж долго. Неужели встреча с этим расфуфыренным соседом с шикарным автомобилем и кучей денег? Она вдруг вспомнила, что месье Леридон прервал ее размышления, а думала она о своей младшей сестре Клотильде и о маленькой церкви в романском стиле, где они пели вместе, когда были еще совсем девочками. Церковь представлялась ей совершенно отчетливо; ее округлая апсида первой появлялась вдали, если ехать в сторону Ронь. Проголодавшаяся Коко заскулила.

– Да-да, сейчас я тебя покормлю, – заворковала мадам Даррас, обращаясь к собачке и вставая, а потом, вспомнив про собственный обед, снова села, уронила голову на руки и заплакала. Купить свиные отбивные она забыла.

## Глава 3

### Обеспокоенный муж

Жиль Даррас больше сорока лет прожил на расстоянии менее шестисот метров от Дворца правосудия в Эксе, но в самом дворце ни разу не бывал. И вот теперь он сидел напротив здоровенного лысого полицейского, который участливо смотрел на него и расспрашивал мягким голосом. Месье Даррас огляделся и увидел других офицеров полиции – они что-то печатали, разговаривали, ходили туда-сюда, носили какие-то документы. Совсем как у него в офисе, только некоторые мужчины и женщины одеты в форму. Вновь повернувшись к здоровяку-полицейскому, месье Даррас понял, что надо продолжить объяснения. Но каждое слово давалось ему с трудом.

– Сегодня я пришел домой на обед в обычное время, в первом часу дня. У Полин... то есть мадам Даррас, обед всегда готов к половине первого. С того самого дня, как мы поженились сорок два года назад.

Полицейский записал его слова, посмотрел на него и спросил:

– Вы с женой не ссорились сегодня утром, перед тем как ушли на работу?

– Нет. – Жиль Даррас был явно удивлен вопросом.

– И это был последний раз, когда вы видели свою жену?

– Да. На работу я ушел в восемь сорок пять. Так и не дождавшись Полин к обеду, я начал обзванивать наших друзей и старшую сестру Полин, Натали, думая, может, она у кого-нибудь из них. Кажется, она ушла в спешке, потому что Коко... виноват, это наша собака... осталась одна в квартире. Как правило, Полин ее одну не оставляет.

– И, полагаю, на звонки по мобильному она не отвечает?

Месье Даррас покачал головой:

– Она не выносит мобильные телефоны. Когда они только появились, я хотел купить ей, но она отказалась наотрез.

Комиссар Полик помолчал и со всей мягкостью, на которую был способен, произнес:

– Месье Даррас, я согласился принять вас потому, что вы настаивали. Но должен сообщить, что ваше беспокойство кажется преждевременным. Ваша жена пропала не далее как сегодня днем, а сейчас только половина шестого. Она может быть где угодно.

– Вот именно. Где угодно! – подхватил Даррас. – Не будь дело срочным, я не стал бы вас беспокоить. Она может быть *где угодно* – голодная, раненая, замерзшая. На протяжении более сорока лет мы всегда обедали вместе. Только один раз не получилось, двадцатого марта восемьдесят третьего года, – в тот день у меня была назначена деловая встреча в Париже. И она ни разу, ни единым словом не упоминала мне о своих планах на сегодня. Ни разу.

По массивным предплечьям Полика пробежали мурашки.

– И больницы вы уже обзвонили, офицер Фламан сказал мне.

Полик не мог припомнить, когда в последний раз обедал со своей женой Элен: оба они были слишком заняты на работе. «Хорошо живетесь богатым старикам во Франции», – мысленно отметил он.

– Да. Вообще-то больницы я проверил в первую очередь.

Комиссар Полик удивился:

– Видите ли, в последнее время моя жена... сама не своя. Она стала забывчивой и плаксивой. Взгляд у нее часто отсутствующий, словно она не слушает, что ей говорят. Мне кажется, все это может означать начало болезни Альцгеймера, но от обследований она отказывается.

– Вот как! Значит, ваша жена не признает факты, месье Даррас?

Полик взял себе на заметку, что мадам Даррас успешно дается отрицание – мобильных, медицинских обследований, болезней.

– Да, пожалуй, не признает. Но ей и без того приходится нелегко. На последнем общем обследовании наш семейный врач заметил уплотнение у нее на шее и направил ее в больницу на анализ, подозревая рак щитовидной железы... на пункцию – кажется, так это называется... но результаты оказались неопределенными. Поэтому на прошлой неделе мы побывали у специалиста, и тот объяснил: поскольку с помощью пункции не удалось определить, злокачественная опухоль или нет, необходимо провести операцию. Эта новость сильно взволновала Полин. Она терпеть не может больницы. И никогда не доверяла врачам.

«Значит, и больницы терпеть не может», – мысленно отметил Полик.

– Объявлять ее в розыск еще слишком рано, но если к завтрашнему утру она не вернется домой, я сделаю это – обещаю. Вы принесли недавнюю фотографию своей жены?

Месье Даррас вынул из дипломата большой плотный конверт. Полик был впечатлен: в панике и стрессе большинство людей напрочь забывали про фотографии близких, о пропаже которых сообщали в полицию. Он внимательно рассмотрел снимок: мадам Даррас не улыбалась, но выглядела весьма достойно. Неужели любовник? Спору нет, она видная женщина – разумеется, в возрасте, но сохранилась прекрасно. И пропала всего день – точнее, несколько часов назад. Полик почти не сомневался, что жена в ближайшее время позвонит месье Даррасу или же пришлет прощальное письмо.

Он вложил фотографию в папку и встал, давая понять, что разговор закончен. Месье Даррас с удрученным видом тяжело поднялся. Полик обошел вокруг стола и, положив руку на плечо старику, спросил:

– Вы позвоните нам сразу же, как только узнаете что-нибудь насчет жены?

– Разумеется, – шепотом отозвался месье Даррас.

– Офицер Фламан проводит вас. – Полик перевел взгляд на Фламана, работавшего неподалеку, сделал знак глазами и коротко кивнул в сторону месье Дарраса. Фламан вскочил и поспешно подошел к старику. Взяв его под руку, он мягко повел посетителя в сторону выхода.

Комиссар Полик направился в противоположную сторону – в глубину большого помещения, где находилась тесная приемная мадам Жирар.

– У себя? – спросил он у нее, кивнув на закрытую черную дверь.

– Да. Я передала ему, что вы хотите зайти поговорить, – отозвалась мадам Жирар. Полик вдруг понял, что она выглядит более молодой версией мадам Даррас: тщательно уложенные волосы, неброский макияж и костюм известного бренда с короткой юбкой. – Заходите, – добавила она, указывая на дверь карандашом.

– Благодарю.

Полик постучал и открыл дверь. Судья сидел за столом и читал, но при виде комиссара снял очки для чтения и поднялся. Они обменялись рукопожатием: несмотря на год с лишним совместной работы, от *la bise*<sup>11</sup> оба воздержались. Краткий поцелуй в обе щеки уместен в качестве приветствия либо очень близких друзей, либо родственников-мужчин.

– Как дела? – спросил судья Верлак. – Я видел у вас старика. Кажется, я его знаю, но не могу понять откуда.

– Да он живет на этой же улице, я тоже смутно припоминаю его. Забавный в этом отношении город Экс, да? Он пришел заявить о пропаже родственника. С самого утра нигде не может найти жену.

– Сегодняшнего утра? – удивился Верлак. – Она может быть где угодно. Скорее всего – в «Монопри». Или в парикмахерской.

---

<sup>11</sup> Поцелуй (*фр.*).

– Знаю, но месье был безутешен. Он опасается, что у нее Альцгеймер. Да, она вполне могла уйти к подруге или любовнику, но вместе с тем могла и забрести куда-нибудь и не найти дорогу домой. С моим двоюродным дедом Жаном такое случилось.

– Пустая трата времени, – пробурчал Верлак. – Вы по этому поводу хотели со мной встретиться?

Только после того, как эти слова слетели с языка судьи, он сообразил, что проявил черствость и неуважение по отношению к деду Жану, о котором только что шла речь.

Полик кашлянул.

– Нет... – Он помялся, прежде чем продолжить: – Вы наверняка решите, что и это пустая трата времени, но перед приходом месье Дарраса мне позвонила Элен, и она была в истерике, а это ей несвойственно.

– Ваша жена? С ней все в порядке? А с вашей дочерью?

Верлак восхищался Элен Полик, виноделом одного из шато к северу от Экса. Десятилетняя дочь Полика, Лия, училась пению в музыкальной школе Экса и, по всеобщему мнению, была настоящим вундеркиндом.

– Да-да, с ними все хорошо, спасибо. Речь о поместье Боклер, где работает Элен. Его ограбили. Я помню, что эта кража не подпадает под нашу юрисдикцию, но мне необходимо поразмыслить вслух.

– Само собой. Что пропало? Деньги?

– Хуже. Вина. Но старые, вплоть до двадцать девятого года.

Верлак присвистнул, откинулся на спинку кресла и машинально потер живот.

– Вот досада. А им известно, сколько всего вина украли?

Полик покачал головой.

– Как раз сейчас они проводят ревизию – Элен и ее босс, Оливье Боннар. Элен едва могла говорить, так она взволнована, но, по ее словам, Оливье, кажется, подозревает своего сына-подростка. По-видимому, парень связался с детишками местных богачей... Ну что же, логично, ведь и Боннары богаты... Словом, эта компания увлекается вечеринками со всякими излишествами – наркотиками, шампанским... *la jeunesse dorée*<sup>12</sup>. Есть ночной клуб, где эти золотые детки платят по сорок евро с носа за один только вход.

– «Ля Фантази», – подсказал Верлак.

– Да, точно. Словом, хозяин-бедняга изводится, думая, что, может быть, его сын продал вина из семейной коллекции только для того, чтобы было чем платить на таких вечеринках.

– Скажите Боннару, чтобы не спешил с выводами. Ни для кого не секрет, что его поместье – самая известная винодельня в Эксе. Есть воры, специализирующиеся на краже вин. Вообще-то... – Верлак умолк, снова надевая очки для чтения и глядя в свой «блэкберри». – Есть один бывший винный вор, который решил начать с чистого листа и теперь служит в парижской полиции. Вряд ли воровская шайка здесь, в Эксе, знает об этом человеке. Он работает также с «Кристис» и «Сотбис». Как я понимаю, своеобразный человек. – Он взглянул на экран телефона, пролистал страницу и наконец нашел то, что искал. – Вот фамилия судебного следователя из Сен-Жермена. Позвоните ему – возможно, он поможет Оливье Боннару и подскажет, как связаться с тем самым экспертом по краже вин. – Верлак записал фамилию и номер телефона и вручил листок Полику.

– Спасибо, – отозвался Полик. – Прямо сейчас и позвоню ему – надеюсь, он еще на службе.

– Кстати, завтра я еду в Париж по семейным делам, – вспомнил Верлак. – Дайте мне имя и адрес эксперта по винам, и я попробую заглянуть к нему. Этим человеком я уже давно заинтригован.

---

<sup>12</sup> «Золотая молодежь» (фр.).

– Обязательно, – пообещал Полик. – Тысячу раз спасибо!

Верлак снял очки и посмотрел на Полика:

– Так какого вы мнения об этой мадам Даррас?

– Судя по ее фотографии, я бы сказал, что она вполне могла задержаться в парикмахерской. Элен однажды вздумалось покрасить волосы, так для этого понадобилось аж четыре часа. Как она злилась! Возможно, мадам Даррас до сих пор сидит под этой штукой вроде огромного колпака, – добавил Полик, жестами изображая полукруг над головой.

– Очень на это надеюсь, – отозвался Верлак. И подавил невольную улыбку, потому что его дюжий, каким и полагалось быть регбисту, комиссар, плавно разводящий руками над головой, вдруг приобрел некоторое сходство с балериной.

## Глава 4

### Исповедь винного вора

К своему району Верлак питал смешанные чувства. Он вырос в первом аррондисмане, в доме номер шесть на площади Пети-Пер, и любил его: отсюда в пешей доступности оказывался весь Париж или, по крайней мере, те его кварталы, которые он желал видеть. Однако этот район был отнюдь не спальным, зато заманчивым для туристов, любителей архитектурных красот и памятников. Хороших мясных и прочих продуктовых магазинов среди них попадалось немного, все располагались на значительном расстоянии друг от друга. Местные жители обычно ели вне дома или, как родители Верлака, отправляли прислугу за покупками в другие районы. Он остановился на вымощенной плиткой Вандомской площади, посмотрел в сторону «Ритца» и улыбнулся, вспоминая еще одного поклонника сигар, папу Хемингуэя, который освобождал бар этого отеля в 1944 году.

Верлак шагал дальше по Рю де ла Пэ, пересек границу второго аррондисмана и позвонил в дверь дома номер пятнадцать. Спустя некоторое время из домофона раздалось резкое «Да?», и он назвал свое имя. В домофоне послышался сигнал, дверь открылась, Верлак вошел в вестибюль, украшенный фресками. Поднимаясь по широкой каменной лестнице, судья останавливался на каждой площадке и читал медные таблички возле резных двустворчатых дверей. На третьем этаже он нашел то, что искал: табличку с надписью «Ипполит Тебо, эксперт по винам». Он негромко постучал, дверь сразу же открылась. Верлаку предстало зрелище, лишившее его на время дара речи. Эксперт по винам посторонился, пропуская гостя. Ипполит Тебо оказался отнюдь не человеком средних лет, каким Верлак представлял себе вора и по совместительству эксперта по винам. Татуировок у него не было, как и прочих признаков того, что он отсидел в тюрьме. Тебо, которому с виду судья дал бы немногим больше тридцати, был безупречно одет в синий бархатный пиджак, белые льняные брюки и ярко-синие кожаные туфли. Рубашка и галстук на нем были в синюю и белую полоску: широкие полосы на галстуке располагались горизонтально, узкие полосы на рубашке – вертикально. Волнистые светлые волосы он искусно укладывал на макушке, нос у него был длинным и тонким, губы полными. Словом, рослый и стройный, с мускулистыми плечами человека, регулярно посещающего тренажерный зал, Ипполит Тебо был красив.

Хозяин и гость обменялись рукопожатием, Тебо провел Верлака в гостиную и предложил кофе. Дождавшись, когда Верлак кивнет и даст сбивчивый утвердительный ответ, Тебо сделал почти балетный пируэт и грациозной походкой покинул комнату. Верлак услышал, как льется вода, потом включилась и зашумела кофемашина. По пути в гостиную Верлак лишь мельком заметил буйство ярких красок, но теперь, оставшись один, получил возможность осмотреться. Предметы, составляющие обстановку этой просторной комнаты, явно были куплены в разное время и в совершенно разных местах, но подобраны так, что общее впечатление получилось гармоничным. Очень длинный диван с резьбой был обит ярко-красным шелком – Верлак предположил, что венецианским. Рядом стояла зеленая бархатная кушетка без спинки, тоже с резными подлокотниками и ножками, а с другой стороны от нее – большое удобное синее кресло, круглая рама которого состояла из тонких параллельных стержней из нержавеющей стали, придающих основанию кресла сходство с птичьей клеткой. Это кресло, несомненно, из шестидесятых годов двадцатого века и скорее всего американское, гордо красовалось бок о бок с европейскими диванами на добрых два столетия старше его. Столики были преимущественно со стеклянными столешницами и все с разными основаниями; ножки некоторых, как ни странно, походили на бронзовые кости. На всех имеющихся поверхностях были расставлены небольшие скульптуры и статуэтки, в том числе прикрытые стеклянными колпаками – для пущей сохран-

ности или чтобы привлечь к ним внимание. Ковры и настенные панно тоже пестрели яркой расцветкой, и только льняные шторы были белыми, отделанными по краю узкой черной каймой. Верлак отметил, что именно такой спокойный штрих необходим колоритному интерьеру этой гостиной.

Ипполит Тебо подал Верлаку кофейную чашечку и сел, элегантно скрестив длинные ноги. Верлак поблагодарил за кофе и продолжил:

– Спасибо, что согласились принять меня, хотя я и не предупредил о визите заранее. Как я уже сказал в телефонном разговоре, в поместье Боклер произошла кража, а вы – самый известный во Франции эксперт по кражам вин. – Верлак предположил, что этот комплимент польстит его молодому собеседнику.

– Просто эксперт по винам, – поправил Тебо.

Верлак с нескрываемым сомнением поднял брови.

– Не слишком ли вы молоды для звания эксперта?

– Я быстро учусь, – с улыбкой возразил Тебо.

Верлак тоже улыбнулся и кивнул:

– Да, я читал в вашем досье, что впервые вы были арестованы в возрасте девятнадцати лет. За кражу вина из трехзвездочного ресторана, где вы работали официантом.

– Мне только-только исполнилось девятнадцать. Сначала я крал вина, чтобы перепродать, увидев, что люди готовы выложить за них сумасшедшие деньги. Я был наивен и понятия не имел, какую радость способен доставить хорошее вино. Что ощущение, когда пробуешь «романе-канти», несравнимо ни с каким другим, – дегустируешь историю, географию и геологию в одной бутылке! Что меловые почвы имеют такое же отношение к вкусу этого вина, как и рука винодела, и его мозги. Что несчастный винодел делает «закрытое» вино, букет которого трудно прочувствовать, а винодел, счастливый в любви, – «открытое» вино, которое раскрывается, перекатываясь во рту, и становится еще лучше, проскальзывая в горло.

Месье Тебо выпрямил длинные стройные ноги и положил левую руку на подлокотник дивана в знак того, что его монолог закончен.

Верлак был настолько впечатлен, что почти утратил дар речи. Переведя дыхание, он спросил:

– Откуда у вас это умение ценить вина?

Он чуть было не сказал «поэзию вина», но уже понял, что его молодой собеседник в лишних похвалах не нуждается.

– А вот это самое интересное! Всему этому я научился, ни разу не попробовав лучшие вина. В тюрьме.

Верлак вскинул бровь.

– В тюремной библиотеке?

Он был уверен, что дегустации вин не входят в программы реабилитации – в отличие от писательского мастерства и уроков тенниса.

Тебо кивнул.

– Я читал, читал безостановочно. Перечитав всю нашу библиотеку, стал спрашивать книги на английском и благодаря винам учился языку. Я знал все о венгерских токайских и итальянских тосканских винах, не успев ни разу попробовать их: знал, как их делают, кто делает, каким должен быть вкус. Эти познания вытащили меня из тюрьмы до окончания срока и дали силы, чтобы жить дальше, несмотря на ту грязь, в которую я там окунулся. – Месье Тебо скривился и слегка встряхнул головой, словно отгоняя тюремные воспоминания.

– И теперь вы живете честно. – В утверждении Верлака слышался оттенок вопроса.

Эксперт по винам рассмеялся.

– О да! Больше незачем красть вина – мне по карману покупать их. К моменту выхода из тюрьмы я знал о винах столько, что мог покупать и продавать их законно и выгодно. Благодаря

хорошему английскому я давал советы иностранным покупателям, и поскольку о винах я узнал раньше, чем попробовал их сам, то располагал уникальным опытом и мог предложить то, чего больше не может ни один эксперт.

Верлак склонил голову набок.

– То есть у вас не было пристрастий?

– Вот именно, дорогой мой судья. Вы один из немногих, кто понял это. Я не отдавал предпочтения какому-либо региону. Для меня происходящее было манипуляцией числами, и я знал в ней толк. Естественно, с тех пор я изменился, и теперь у меня появились пристрастия. Но раньше они отсутствовали.

– Удивительно, – совершенно искренне произнес Верлак. Ему нравились истории, в которых герой, несмотря ни на что, ухитряется преуспеть, однако он считал историю эксперта весьма нетипичной для Франции, помня о том, как французы ценят тщательный выбор учебного заведения, правильный акцент, хорошую семью. Ипполит Тебо был экспертом по винам, который вырос отнюдь не в семье виноделов в Бордо, он не учился в престижной школе и, само собой, не располагал связями, если начал карьеру официантом.

– Вам бы мемуары писать, – добавил Верлак.

– Уже написал! – усмехнулся Тебо. – Как раз сейчас подыскиваю достойное заглавие.

Ответ Верлака прозвучал мгновенно:

– «Исповедь винного вора».

Тебо просиял.

– Замечательно! Вот почему, как только вы вошли, я сразу понял, что должен рассказать вам свою историю. – Он согнул вытянутые ноги в коленях.

Верлак помедлил, не зная, как реагировать на чересчур лестный комплимент. Тебо – прежде всего коммерсант и уже во вторую очередь – эксперт по винам и консультант в полиции. Решив не отзываться на похвалу, Верлак перешел прямо к краже вина у Оливье Боннара. Он посвятил Тебо в подробности случившегося и закончил рассказ словами:

– Мы считаем, что вор – тот, кто хорошо знает и семью хозяев, и винодельню.

Тебо откинулся на спинку дивана и заложил руки за голову.

– Почему?

– Потому что замок не взломан, а ключ находился на обычном месте – возле кухонной двери.

– Классика! – воскликнул Ипполит Тебо. – Виноделы – такие изобретательные люди! Но ключи от своих погребов они прячут в самых нелепых местах – будь то в Аргентине, Анжу или Аделаиде. Любой дурак мог проскользнуть на кухню и сделать копию ключа. Я сам так делал, явившись якобы для проверки электросчетчика. Продолжайте!

– Сейчас. Вор брал не все *«премьер крию»*<sup>13</sup> подряд, а выбирал разные вина то там, то сям, независимо от их выдержки и качества.

Тебо вскинул руки вверх.

– У меня крадут мои методы! Я сам так делал пару раз, чтобы кража выглядела так, словно ее совершил кто-то из домашних. Во второй раз я вернулся за остатками как раз в то время, когда полиция Бордо вела в доме допрос членов семьи и работников винодельни. Ха!

На его лице отразилось такое блаженство, что у Верлака невольно мелькнула мысль: а не начнет ли этот юный красавец снова красть? Заметив, что судья переменялся в лице, Тебо снова заговорил:

– Не беспокойтесь. Я сказал правду: больше мне красть незачем.

– Так какого же вы мнения об этом случае? – спросил Верлак.

---

<sup>13</sup> Premier cru – согласно французской классификации, лучшие вина, виноград для которых выращен на виноградниках первой категории.

– Вор вернется за остальными бутылками, – ответил Тебо. – Хотите еще кофе?

Вопреки своему обыкновению Верлак решил добраться до вокзала на метро, зная, что в обеденное время свободные такси на улицах попадаются редко. Несколько минут он посидел на скамейке в Тюильри, любуясь крепкогрудыми полнотелыми женщинами работы Майоля, затем направился к первой линии метро. На следующей станции, «Музей Лувр», поезд простоял четыре минуты, прежде чем двери наконец закрылись и состав рывком тронулся с места. Верлак облегченно вздохнул, взглянул на часы и понял, что ошибся в расчетах и не учел, сколько времени понадобится поезду метро, чтобы пройти извилистым маршрутом по парижскому центру параллельно Сене. На следующей станции поезд задержался более чем на семь минут, и лишь потом по внутренней связи объявили, что с каким-то пассажиром дальше по линии произошел «несчастный случай», в результате чего отправление поезда задерживается. Некоторое время пассажиры переговаривались вполголоса, упоминая о самоубийстве, а потом один за другим потянулись прочь из вагона. Верлак вышел вслед за толпой, покинул станцию, поднялся на улицу Риволи и вступил в битву за такси, которые, само собой, все уже были заняты. Обеденный час в Париже... Верлак тихо чертыхнулся. Быстро, как только мог, он прошел до соседней улицы Сент-Оноре, машины по которой двигались в сторону Лионского вокзала, и все это время оглядывался через плечо, высматривая свободное такси. Но попадались лишь занятые. К тому времени, как Верлак достиг входа на следующую станцию метро, вечно многолюдную Шатле, он, бросив взгляд на часы, увидел, что поезд до Экса в двенадцать сорок девять уже пропустил. Можно было рискнуть и перейти с Шатле на четырнадцатую, автоматическую линию, или идти пешком дальше. Он выбрал второе и продолжал шагать, пытаясь любоваться Парижем и философски относиться к опозданию на поезд. День прошел не зря. Вместе с родителями он привел в порядок семейные финансовые дела, чем исправно занимался дважды в год, и вдобавок получил ценные сведения от Ипполита Тебо. Тебо оказался до мозга костей *денди* – за неимением во французском языке точного аналога этого слова французы обходились без перевода. Верлак с нетерпением ждал возможности рассказать Марин о винном воре.

Шагая, он насвистывал, и на вокзал явился как раз к отправлению поезда в час пятьдесят три. Показав свой билет контролеру, он объяснил, что опоздал из-за остановки поезда в метро.

– Вам все равно придется покупать билет заново.

– Что?! – возмутился Верлак. – Но это же не моя вина. На одной из станций метро кто-то покончил с собой.

– Так все говорят. Надо было выходить заранее с учетом таких задержек. Новый билет второго класса будет стоить девяносто пять евро.

Верлак протянул ему кредитку, поморщившись при мысли о том, что придется сидеть в узком кресле вагона второго класса.

– Свободных мест обычно бывает полно, не волнуйтесь, – успокоил контролер. – Где захотите, там и сядете.

Контролер не ошибся: поезд отъехал от вокзала полупустым, и Верлак, в полном распоряжении которого оказались целых четыре кресла, обращенных друг к другу, смог разложить свои книги и бумаги. Он поискал розетку, чтобы подключить ноутбук, но розеток в вагоне не нашлось. Оставалось лишь надеяться, что заряда батареи хватит на все время пути. Мимо проносились загородные пейзажи, озаренные ярким солнцем золотой осени, и Верлак ощутил прилив радости. Он принялся было набрасывать черновики писем, которые все медлил написать, как вдруг раздался страшный грохот – словно подростки забросали вагон камнями или поезд врезался в какую-то изгородь. Попутчики Верлака оставили все свои дела, отложили книги и журналы, сняли наушники. Несколько ужасных секунд шум продолжался. Поезд замедлил ход и наконец остановился под дружный изможденный стон пассажиров.

– Мы во что-то врезались, – сказал самому себе мужчина, сидевший через проход от Верлака.

– Нет, – возразила пожилая дама, – больше было похоже, как будто в поезд что-то бросали. Например, камни.

Несколько секунд в вагоне стояла тишина, потом пробежали две молоденькие девушки, разыскивающие кондукторов.

– В нашем вагоне разбито окно!

Пассажиры снова застонали, не понимая, каким образом окно было разбито, но предчувствуя, что это происшествие означает задержку в пути – возможно, на несколько часов. Верлак уже подумывал послать сообщение Марин и предупредить, чтобы ужинала без него, когда в вагон вошла сотрудница бригады скоростного поезда TGV, невысокая плотная женщина с ежиком белых волос. Она была бледна, как ее волосы.

– Мы кого-то сбили, – объявила она, положив руку на спинку сиденья Верлака. – Видимо, самоубийцу. Поезд задержится не меньше чем на три часа.

Верлак сообщил о случившемся Бруно Полику, поскольку комиссар вызвался встретить его на вокзале в Эксе. Но теперь судья должен был прибыть слишком поздно, значит, придется брать такси или ехать на местном маршрутном автобусе. Верлак откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Некоторые пассажиры снова занялись своими делами, ничуть не встревоженные задержкой: работа есть работа, и она требует внимания. Другие прижались носами к оконным стеклам, пытаясь разглядеть следы крови или, возможно, прикидывая, удастся ли ускользнуть из вагона на краткий перекур. Женщина, сидевшая позади Верлака, позвонила домой с подробными разъяснениями, как и какие остатки еды следует разогреть детям, особо упирая на то, что «малыш Шарль» не любит цукини, но все равно должен их съесть.

Верлак засмотрелся в окно, чувствуя тепло предвечернего солнца. Он вдруг страшно заскучал по Марин. Ему стало грустно – не оттого, что пришлось задержаться в пути, и не по той причине, что сегодня его преследовали неудачи: он думал об отчаянии, побуждающем людей расставаться с жизнью. Моник часто пускала в ход эту угрозу в отношениях с тогда еще юным Верлаком: «Если не придешь, я сделаю с собой что-нибудь ужасное». Верлак закрыл глаза, злясь на себя за то, что вновь вызвал из глубин памяти призрак Моник. В последний раз он вспоминал ее несколько месяцев назад.

Прибыли бригады «Скорой помощи», пассажиры постепенно разговорились и начали приглашать новых знакомых в вагон-ресторан, выпить кофе или пива. Прошло два часа, а поезд стоял на том же месте, среди живописной, ровной, как стол, долины, и какой-то фермер ехал на тракторе по проселочной дороге вдоль состава. Верлак проводил его взглядом, всматриваясь в клубы пыли, поднятые трактором, и отметил, что фермер даже не повернул головы, чтобы увидеть, почему возле остановившегося экспресса собрались полиция и пожарные. Его ждала работа. А может, фермер еще и не то повидал? Только теперь Верлак заметил, что поля по обе стороны от железной дороги засажены какими-то плодовыми деревьями, а желтые цветы у самых рельсов качают головками на ветру.

## Глава 5

### Нападение в Эгюийе

Скоростной поезд подкатил к современному, возведенному из дерева и стали зданию вокзала в Эксе с четырехчасовым опозданием, в четверть десятого вечера. Вздох облегчения прокатился по рядам усталых пассажиров, все потянулись за своими пальто и сумками.

– Ну, всем хорошего вечера, – пошутил мужчина средних лет, засовывая ноутбук в кейс.

– Ага, было круто, – отозвался какой-то студент и запихнул наушники и айпод в обшарпанный рюкзак. Женщина, сидевшая позади Верлака, опять позвонила домой и продолжала говорить, пока шла по проходу: видимо, малыш Шарль все-таки съел овощи, но теперь наотрез отказывался ложиться спать без мамы.

Верлак с улыбкой переглянулся с пожилой женщиной, сидевшей через проход от него, и пропустил ее вперед.

– Нам причинили неудобство, – заговорила незнакомка, глядя на симпатичного попутчика темными печальными глазами. – Но оно не идет ни в какое сравнение с трагедией несчастного или несчастной, чья жизнь сегодня оборвалась.

Верлак кивнул.

– Да, мадам, несмотря на все неудобства, нам повезло. – Он не стал объяснять, что за сегодняшний день столкнулся уже со вторым самоубийством. – Помочь вам донести чемодан? – предложил он, увидев, что на багажной полке рядом с сумкой женщины лежит большой коричневый чемодан.

– Очень любезно с вашей стороны, – откликнулась дама. – Да, будьте добры. Мой зять скорее всего ждет меня на перроне.

Верлак поднял чемодан незнакомки и последовал за ней на освещенный перрон. Женщину встретил с распростертыми объятиями мужчина лет сорока. Она обняла зятя, поблагодарила Верлака, и они обменялись пожеланиями всего наилучшего. Верлаку еще не случалось знакомиться во время поездок на скоростном поезде. Видимо, причиной необычной разговорчивости стало самоубийство, которое потрясло его.

Подняв глаза к ночному небу, Верлак увидел над Эксом полную луну. Несколько секунд он стоял в нерешительности, не зная, то ли пройти через станцию и вниз по лестнице, к остановке маршрутного автобуса, или не ждать его, а просто выйти в ближайшую дверь и взять такси – вереница машин выстроилась всего в нескольких метрах. Но принять решение он не успел: в автоматические двери со стороны парковки быстро вошел Бруно Полик.

– Простите за опоздание, – произнес комиссар.

– Я только что приехал. Напрасно вы все-таки приехали за мной, Бруно. Когда я отправлял вам сообщение о том, что прибытие задерживается, то думал, вы просто уедете домой.

– Я и уехал – правда, только около восьми вечера. А потом позвонили из Дворца правосудия и вызвали меня в Эгюий, – объяснил Полик. – Садитесь, – добавил он, распахивая перед Верлаком дверцу своего «Ренджровера» старой модели. – Спасибо, что съездили в Париж и поговорили с экспертом по винам, – продолжал Полик, подъезжая к шлагбауму парковки и расплачиваясь. – Элен и Оливье тоже вам благодарны. И передают привет.

– Сегодня утром мне надо было заняться бумагами вместе с родителями, а наш эксперт по винам, Ипполит Тебо, живет недалеко от них, буквально за углом, – ответил Верлак. – Он сообщил мне ценные сведения и к тому же заявил, что уверен, вор еще вернется.

Полик застонал:

– Этого я и боялся. Ладно, предупрежу Оливье. – Он выехал на шоссе и бросил быстрый взгляд на судью: – Есть хотите?

Бруно Полик часто думал о еде.

– Вообще-то нет, спасибо. Когда мы пересаживались на другой поезд в Валансе, нам раздали сухой паек. Я уж думал, что найду в своей коробке игрушку.

Полик рассмеялся:

– Так вам пришлось сменить поезд?

– Да. Наш был сильно разбит спереди и для дальних перегонов непригоден. До Валанса мы еле дотащились.

– Бедняга, – тихонько выговорил Полик.

Верлак кивнул, а потом вдруг сообразил, что комиссара вызвали обратно во Дворец правосудия, едва тот успел прибыть домой в Пертюи, всего двадцать минут назад.

– Расскажите же мне, зачем вас вызвали в Экс и испортили вам вечер?

– Отчасти поэтому я и встретил вас на станции, шеф, – сообщил Полик. – Решил ввести вас в курс дела, опередив Руссея.

Верлак промолчал. Ничего говорить и не требовалось. Ивом Русселем звали не в меру деятельного прокурора Экса.

– Что стряслось в Эгюйе? – помолчав, спросил он.

– Ранним вечером изнасиловали молодую женщину, – ответил Полик. – Ее сильно избили и пытались задушить, но она чудом осталась жива. Сейчас она в больнице, между жизнью и смертью.

– Господи... – Верлак обхватил голову крупными ладонями и тяжело вздохнул. Потом поднял голову и взгляделся в огни Экса вдаль. – Еще сегодня утром мир казался розовым, – признался он, по-прежнему глядя в окно. – Впрочем, я всегда об этом думаю, сидя на скамейке в парижском парке.

– Ее зовут Сюзанна Монмори, – продолжал Полик. – Ей двадцать восемь лет, она живет одна в квартире в Эгюйе. Ближайшие соседи не слышали ничего, кроме звуков ее телевизора, завтра утром мы допросим остальных.

– Взлом был? – заинтересованно спросил Верлак.

– Замок не поврежден.

– Может, она знала напавшего?

– Похоже на то. Как и большинство женщин в подобной ситуации. В квартире разгром. Видимо, мадемуазель Монмори боролась за свою жизнь.

– В какое время это произошло?

– Между десятью минутами пятого и половиной восьмого вечера. Коллеги мадемуазель Монмори – она работает в филиале «Банка Прованса» в Эгюйе – сообщили, что она пожаловалась на боль в горле и ушла с работы пораньше. Банк она покинула около четырех, а оттуда десять минут ходьбы до ее квартиры.

– Кто нашел ее в половине восьмого? – спросил Верлак.

– Один из коллег забеспокоился и решил ее проведать. Он постучал несколько раз, ответа не дождался, решил попробовать дверь и обнаружил, что она не заперта. Он нашел пострадавшую и сразу же вызвал «скорую».

– Проверьте его.

Полик кивнул.

– Вот и Руссель так сказал, а когда я оставил их вдвоем, устроил бедному парню допрос с пристрастием.

– Хорошо.

Полик удивленно вскинул голову. Обычно судья проявлял больше сочувствия и склонности думать о картине в целом.

– У меня выдался день смертей, – пояснил Верлак, обернувшись к комиссару. – Зачем вообще этому парню взбрело в голову навещать коллегу, у которой всего лишь заболело горло? У всех время от времени болит горло. Я ему не верю.

– Он говорит, что неравнодушен к ней, а больным горлом воспользовался как предлогом, чтобы зайти в гости. И собирался пригласить ее на ужин.

– Вот это уже правдоподобнее. А вы как думаете?

– Я ему верю. – Полик свернул с шоссе и въехал в Экс. – Он не мог сдержать слезы. Прямо рыдал. А потом вдруг разозлился, страшно разозлился. Словом, был не в себе. Он выпускник Института изучения политики, это место работы у него всего лишь второе.

– Если он учился в престижном учебном заведении, это еще не значит, что он не способен на убийство. Но вы правы: судя по эмоциональной реакции, он не убийца, – рассудил Верлак, пока они ехали через центр города и узкую улицу Мюль-Нуар. Верлак засмотрелся в окно на золотистый отсвет каменных фасадов. В опоздании поезда есть лишь один положительный момент, думал он: ему всегда нравилось возвращаться домой, в Экс, поздно вечером, когда город казался особенно живописным.

– А эта женщина... – снова заговорил он.

– Мадемуазель Монмори, – подсказал Полик.

– Благодарю. Если она выживет, то сможет опознать того, кто на нее напал.

– Вот именно. Я поставил двоих полицейских охранять ее в больнице и еще двоих отправил следить за ее квартирой.

– Правильно.

– Отвезти вас домой, шеф? – спросил Полик.

Они подъехали к развилке: дорога справа вела к дому судьи, точнее, к его квартире на четвертом этаже, с видом на собор Экса, а дорога слева – к Дворцу правосудия.

Верлак повернулся к комиссару и спросил:

– А вы как думаете?

– Фламан собирает информацию по мадемуазель Монмори. Мы могли бы с ней ознакомиться. Но если вы устали, закончим на этом, а завтра утром начнем пораньше.

– Во дворце найдется холодное пиво? – спросил Верлак.

Полик засмеялся:

– Да, кажется, кое-что осталось – Фламан угощал.

– По какому случаю? – спросил Верлак. Ни о чем подобном он не слышал – но, наверное, получил известие по электронной почте, прочитал и забыл напрочь.

– Это было как раз вчера вечером. У него помолвка. – Полик смущенно кашлянул, не зная точно, входил ли Антуан Верлак в число приглашенных. Наверное, следовало сообщить ему заранее, но он так и не мог понять, как относятся другие полицейские к его боссу. Повернув налево, он сказал: – В таком случае немного поработаем. Лично я не прочь.

– Я тоже. Почему-то после того, как мы задержались в пути, у меня открылось второе дыхание или, по крайней мере, дорога не вымотала меня настолько, как я предполагал.

Машину Полика поставили в подземный гараж Дворца правосудия и сразу направились в общий офис, поискать что-нибудь перекусить. Как и предсказывал Полик, в холодильнике осталось несколько банок пива, не слишком залежалые чипсы и соленые крендельки, пересыпанные в миски. Забрав четыре банки, чипсы и крендельки, судья и комиссар направились наверх, в кабинет Верлака. Первым делом Верлак позвонил Марин и извинился, а затем открыл папку, которую Фламан подготовил и оставил на столе босса.

Надев очки для чтения, Верлак склонился над столом, поставив локти на полированную поверхность.

– Рассказывайте, чем мы располагаем.

Полик придвинул папку к себе и принялся перебирать бумаги, собранные Фламаном.

– Мадемуазель Сюзанна-Мари Монмори. Родилась в Авиньоне восемнадцатого июля семьдесят восьмого года, значит, двадцать восемь лет ей стукнуло совсем недавно. Не замужем и никогда не была. Живет одна, домашних питомцев не держит.

Верлак кивнул:

– Продолжайте.

– Работала в «Банке Прованса» с тех пор, как восемь лет назад окончила муниципальный колледж. На работу ее принимал ее нынешний босс – директор Камиль Иакелья. Он женат, имеет четверых детей и живет в Эгюийе. Здесь Фламан сделал пометку, что Иакелья был «в шоке», узнав, что на его сотрудницу напали.

– И неудивительно, если благодаря ему мадемуазель Монмори получила свою первую работу, – заметил Верлак. – Они, наверное, были достаточно близки.

– Было уже поздно, поэтому мы условились, что завтра утром приедем в Эгюий и побеседуем с ее коллегами в банке, – продолжал Полик. – До обеда банк будет закрыт.

Верлак глотнул пива.

– А что насчет этого парня, которому она нравилась?

Полик перевернул страницу, наклонился над папкой и прочел:

– Гюстав Лапьер, двадцать пять лет, окончил Институт изучения политики в Лионе три года назад. Это место работы у него уже второе, первым тоже был банк. Видимо, он хочет быть инвестиционным банкиром.

– Значит, прокладывает себе путь на вершину? – уточнил Верлак. – Если он окончил одно из лучших учебных заведений, что он тогда делает в заштатном филиале банка средней руки?

– Хороший вопрос, – отозвался Полик, отхлебывая пиво. – Один из моих кузенов окончил этот институт и сразу же переселился в Париж, где получил отличную работу в Министерстве культуры.

– Бруно, сколько же у вас кузенов? – спросил Верлак. Бруно Полик вырос на ферме в Любероне в кругу на редкость большой семьи.

Полик сгреб пригоршню крендельков и принялся жевать.

– Двоюродных? Всего лишь сорок два. А троюродных – больше двухсот.

Верлак улыбнулся:

– Больше никакой информации?

Полик перевернул страницу и увидел, что больше бумаг в папке нет.

– Никакой.

– В таком случае сегодня на этом и закончим. Встретимся завтра утром у банка?

– Хорошо. Он находится в центре Эгюийя, рядом с мэрией. Значит, без нескольких минут девять?

– Отлично.

Пустые банки из-под пива они выбросили возле кабинета Верлака в контейнер для мусора, идущего в переработку.

– Кстати, – спохватился Верлак, – от той пропавшей женщины нет вестей?

– Мадам Даррас! Да, я как раз собирался вам сказать. Все вышло именно так, как вы предсказывали. Она и вправду задержалась в «Монопри», а потом решила зайти в парикмахерскую. После этого визита она выглядела растерянной, поэтому один из парикмахеров проводил ее домой, где ждал месье Даррас. Простите, что отнял у вас время, шеф.

– Ничего страшного, Бруно, – успокоил Верлак, вспомнив его деда Жана. Одеваясь, он решил, что сегодня заночует у себя, а Марин отправит сообщение и пообещает, что они увидятся следующим вечером и что он приготовит ужин. Ему вспомнились его кузены – их было двое, – с которыми он не виделся, пожалуй, больше десяти лет. Отец Верлака вырос единственным ребенком в семье, а у его матери было двое братьев, один из которых так и не женился, другой был вдовцом с двумя сыновьями. Старший кузен Верлака работал кардиохирургом в

Женева, а последнее, что он слышал о младшем, – что тот бросил работу учителя истории в старших классах, переселился куда-то в Центральный массив и занялся овцеводством.

– Все в порядке?

Марин постаралась скрыть разочарование, узнав, что сегодня вечером они с Антуаном не увидятся. Но оказалось, что скрывать что-либо от родного отца она так и не научилась.

– Антуан вернулся из Парижа, но будет работать допоздна, – сказала она, повесив трубку. Из-за дождя отец сам отвез ее мать на репетицию хора в церковь Святого Иоанна Мальтийского, поэтому его визит получился неожиданным, но очень приятным. Марин жалела, что такое случается нечасто.

– По бокалу вина? – спросила она. – Или травяного чая? Я же знаю, вы с мамой его обожаете.

– Да, верно, я на старости лет пристрастился к травяному чаю, – ответил дочери Анатолий Бонне. – Но за компанию с тобой с удовольствием выпью вина.

– У меня в холодильнике есть сыр и оливки. – Марин ушла на кухню и вернулась в гостиную с сырной тарелкой: пирамидка шевра из Луары, кусок стилтона, и сен-марселен – настолько мягкий, что к нему была подана ложечка. В следующий рейс на кухню Марин направилась за вином и бокалами, а когда принесла их, ее отец уже склонился над журнальным столом с ножом в руке, спеша нарезать сырную пирамидку.

– «Пулиньи Сен-Пьер», – с удовольствием произнес он название сыра, разрезая его, гладкий и белый внутри, как мрамор. – Давненько я его не пробовал!

Марин улыбнулась, глядя, как отец отрезает толстый ломтик ее любимого сыра.

– На улице д’Итали открылась новая сырная лавка, – сообщила она. – Ее хозяин двадцать лет проработал в сфере высоких технологий, а потом все бросил и посвятил себя единственной страсти.

Она подумала, что, если сказать отцу, где находится эта лавка, он сможет пойти и купить сыр для себя. Закупкой продуктов, а точнее, их выбором в зависимости от цены и удобства приготовления, но не от вкуса и качества, всегда занималась мать, хотя и строила карьеру наравне с отцом. Но гурманом в семье был именно отец, врач общей практики. Это роднило его с Антуаном Верлаком.

Словно по сигналу, доктор Бонне спросил:

– Кстати, как там Антуан?

Марин не удивилась тому, что отец спросил о Верлаке в тот самый момент, когда и она думала о нем. Нечто вроде телепатии между ней и отцом существовало всегда.

– В делах, – ответила она. – Из поместья Боклер украли вина. Да еще сегодняшней случай – пока не знаю, что стряслось, но, судя по голосу Антуана, дело серьезное.

Ее отец поспешно положил в рот ломтик хлеба, намазанный сен-марселем, стараясь, чтобы сыр не стекал с хлеба.

– Антуан мне нравится, – сообщил он невзначай, таким же тоном, как если бы говорил, что любит сыр.

Марин показалось, что ее сердце вот-вот разорвется от переполняющих чувств. Мнением отца она всегда дорожила.

– Приятно слышать, – в тон ему откликнулась она.

– Человек, способный рассмешить твою маму так, как он сумел в тот раз, наверняка хороший.

Марин засмеялась, вспомнив свои опасения, что семейный ужин на прошлой неделе вызовет у всех мучительную неловкость. Роль хозяина взял на себя Антуан, они вместе с Марин приготовили баранью ногу, и вечер прошел успешно. Нет, не произвел фурор, но выдался приятным.

– Не знаю, как мама восприняла бы шутки на тему религии, – заметила Марин. До выхода на пенсию мадам Бонне преподавала теологию.

– О, твоей маме нравится анекдот про христианского священника, раввина и имама, оказавшихся вместе в самолете. – Отец глотнул вина и издал довольный возглас. – Что это мы пьем?

– Бургундское из Живри, – ответила Марин. – Тебе нравится?

Анатоль Бонне сделал еще глоток.

– Проверяю на всякий случай, – с улыбкой объяснил он. – Отличное вино. Где ты его купила?

– Антуан заказывает его оптом у винодела.

– Вот оно что! – отозвался отец. – Как думаешь, он согласится в следующий раз заказать ящик и на мою долю?

– Конечно! – Марин восприняла этот новый интерес к хорошим винам как знак того, что ее родители – или по крайней мере отец – одобрили Антуана.

– Как твоя подруга Сильви? – осведомился доктор Бонне.

– Отлично. Недавно звонила из Межева – там уже похолодало, они возвращаются перед самым началом школьных занятий.

– Перед самым началом? Бедная малышка Шарлотта даже не успеет толком освоиться в другом климате...

– Папа, – перебила Марин, – они всегда так делают. Стараются как можно дольше пробыть с родителями Сильвии и ее братьями и сестрами в Альпах...

– Без отца.

– Папа! – Марин прикусила губу, чтобы не разозлиться. Ее лучшая подруга Сильви, искусствовед и фотограф, в одиночку растила девятилетнюю Шарлотту, крестницу Марин.

Анатоль Бонне понял, что сказал лишнее, и указал на стилтон.

– А это что за сыр? Не похож ни на один голубой, которые я видел.

– Стилтон, – ответила Марин и вскинула руку, не давая отцу возразить: – Просто попробуй!

## Глава 6

### Попытка эльзасца постичь Прованс

Жюль Шельфер сумел закрыть дверцу машины лишь со второго раза.

– Чтоб тебя! – буркнул он, одной рукой держась за ручку дверцы, а другой придерживая полицейскую фуражку. Его сегодняшний напарник, Роже, расхохотался, наблюдая за ним.

– Просто мистраль, – объяснил Роже. – Зато сразу станет прохладнее.

Жюль пожал плечами и попробовал улыбнуться, хотя и тосковал по родине. Но разве может двадцатисемилетний полицейский признаться в этом товарищу? Записываясь служить в полицию, он знал, что его могут отправить в любую точку Франции, но не ожидал, что попадет в это адское пекло, где даже в сентябре больше тридцати градусов по Цельсию. Теперь, когда начался ветер, – мистраль, как его здесь называют, – хоть немного похолодает. Но Жюль все равно с трудом терпел Прованс: этот ветер, эту сухую жару, этих сослуживцев с их бурными объятиями и *bise* (настоящим мужчинам в Эльзасе и в голову не приходило целоваться друг с другом – разве что с близкими родственниками), эти их бесконечные и шаблонные местные шутки и громкий гогот. И все-то у них «*mon ami*» и «*mon pote*»<sup>14</sup>. Способны ли местные жители хоть когда-нибудь для разнообразия вести себя спокойно? Эльзасцы вовсе не считали нужным надрываться, чтобы их разговор слышали все вокруг. Совершенно незачем вопить громче всех в комнате и лезть без очереди – сколько раз Жюль видел такое на почте или в банке! Возможно, южане относятся к очередям без всякого уважения, потому что здесь и не бывает настоящих очередей, только беспорядочные толпы, будто местные жители понятия не имеют, как строиться прямыми рядами в затылок друг другу. А если вдруг бок о бок стоят два банкомата или же на почте открыто сразу два окна – что делают жители Прованса? Нет, не выстраиваются ровным рядом между ними, как в Кольмаре или Страсбурге, – они образуют сразу две очереди, а потом мечутся туда-сюда, пока не дойдут до цели.

Жюль бросился к дверям больницы, распахнул их и придержал для Роже, который и не думал спешить, вышагивая по парковке и по-дурацки улыбаясь.

– Притормози, – посоветовал Роже, доставая из кармана пачку сигарет. – Мы приехали на десять минут раньше. Время устроить перекур.

– Ну, давай зажигай свою раковую палочку, – отозвался Жюль.

Роже весело расхохотался: чтобы кто-нибудь называл сигареты «раковыми палочками», он не слышал с пятого класса. Кстати, тогда он и начал дымить – еще в пятом.

– Слушай, Жюль, а я не рассказывал тебе, как мы однажды прогуляли уроки и вышли в море с каким-то старым рыбаком?

Жюль вздохнул:

– Нет, но я с удовольствием послушаю как-нибудь в другой раз. Ручаюсь, ты поймал вот такую рыбину, да? – И он развел руки в стороны почти на метр.

– Ага, вот такую здоровенную! – подтвердил Роже. – Но с тех пор всю рыбу в Средиземноморье повыловили, такой крупняк больше не попадается.

Жюль засмеялся, не веря в свою удачу: ему удалось поймать марсельца на самую шаблонную уловку из возможных. Французы потешались над привычкой жителей Прованса и в особенности Марселя преувеличивать и приукрашивать. Рыбешка длиной с ладонь вырастала до целого метра, ветер вместо тридцати пяти миль в час дул со скоростью все пятьдесят пять. Помахав рукой товарищу, все еще посмеивающийся Жюль начал подниматься по застеленной

---

<sup>14</sup> Дружище, приятель (*фр.*).

дешевым линолеумом больничной лестнице. Если Роже так хочется опоздать, его дело: южане всегда опаздывают минут на пять-десять, даже на работу, но он, Жюль, явится вовремя.

Роже, в свою очередь, проводил взглядом Жюля, шагающего через две ступеньки.

– Вот зануда, – буркнул он себе под нос, прикурил сигарету и улыбнулся проходящей мимо медсестричке. Во вторник вечером, когда поздравляли Алена Фламан, Жюль почти ни с кем не разговаривал, кроме нескольких женщин-офицеров и секретарей. Роже случайно услышал, как Жюль говорил, что не пьет пастис и вообще любит только белые вина, предпочтительно рислинги. Почти все офицеры явились на вечеринку в штатском, и один из них толкнул Роже локтем в бок и указал на джинсы Жюля – отутюженные, с двумя острыми стрелками на штанинах. Над наглаженными джинсами потешались до тех пор, пока никто не захотел больше слушать Роже и другого офицера, и они налили друг другу еще пастиса – в утешение после серии проигрышей марсельской футбольной команды.

Об этом же моменте вспоминал и Жюль, шагая по ярко освещенному коридору к палате мадемуазель Монмори. Он слышал шутки про глажку и понимал, что речь идет о его джинсах, но больше никто из полицейских не обращал на них внимания, а комиссар Полик даже с улыбкой переглянулся с Жюлем и сочувственно покачал головой.

Жюль видел, что в конце коридора стоит офицер Фламан, беседуя с молодым рыжеволосым полицейским, которого Шельфер знал только в лицо. Этот новичок явно нервничал, но старался изо всех сил. В отличие от Роже, который не спешил закончить перекур. Жюль подошел к коллегам, обменялся с ними рукопожатием, справился о состоянии мадемуазель Монмори (все еще критическое) и услышал, что к ней в палату разрешено впускать только больничный персонал с бейджами. Ближе к вечеру пациентку могут навестить ее родители. У Фламана нашлась их фотография, которую он передал Жюлю.

– А где Роже? – спросил Фламан.

– Через минуту подойдет, – ответил Жюль. – Он... что-то забыл в машине.

Какой-то врач в белом халате вышел из палаты мадемуазель Монмори и остановился, увидев полицейских.

– Здравствуйте! – Он пожал им руки. – Я доктор Шарнэ. Приятно видеть, что палату мадемуазель Монмори бдительно охраняют.

Жюль Шельфер прочитал имя врача на бейдже и внимательно изучил его лицо. Ему хотелось запомнить имена и лица всех сотрудников больницы, посетивших палату мадемуазель Монмори.

– Я врач-специалист, – пояснил его собеседник, заметив, что молодой полицейский изучает бейдж с его именем. – Хорошего вечера, – пожелал он, взглянув на часы. – Надеюсь, скучать вам здесь не придется. А если все-таки станет скучно, можно пофлиртовать с медсестрами, – со смехом добавил он.

– До свидания, доктор, – отозвался Фламан.

Врач помахал рукой на прощание и что-то сказал медсестрам. Жюль увидел, как одна из них поморщилась, когда он отошел от двери палаты. Роже появился внезапно, от него несло куревом. Вздыхнув, Фламан повторил все то, что уже выслушал Жюль.

– Вы сменяетесь с дежурства в пять вечера, – добавил Фламан, обращаясь к ним. – Думаю, и без слов ясно, что перекусить и по другим делам вам разрешается ходить только по одному. Я хочу, чтобы один из вас постоянно находился здесь.

Рыжий новичок смущенно переминался с ноги на ногу, и Фламан сообразил, что ему, наверное, не терпится в уборную.

– Можете идти, – разрешил он. – Выспитесь как следует. Завтра увидимся.

Увидев, как новичок припустил по коридору, Роже рассмеялся.

– А комиссар Полик сегодня заедет? – спросил он.

– Скорее всего, – кивнул Фламан. – Сейчас он в банке, опрашивает сотрудников. А потом может и приехать вместе с судьей Верлаком.

– О-о... – застонал Роже. – Вот черт!

– А в чем дело?

– Хорошо еще, что он не притащился праздновать твою помолвку, – да, Ален? – хлопнув Фламана по руке, продолжал Роже.

Жюль уставился на него, не веря своим глазам. С судьей он не был знаком, но не понимал, как Роже может говорить о начальстве в таком тоне.

– Ну, хватит, – прервал его Фламан. – Думай, что говоришь, Роже.

Попрощавшись с заступившими на пост офицерами, Ален Фламан направился прочь по коридору, думая о своей невесте, с которой должен был увидеться сегодня вечером, и о судьбе Верлаке. Интересно, чем он вызывает такое острое раздражение окружающих? Неужели он и вправду такой сноб? Да, на вечеринке по случаю помолвки Алена судьи не было, а если бы его пригласили? Фламану стало неловко: он не любил обходить вниманием кого бы то ни было. На верхней ступеньке лестницы он оглянулся в сторону коридора, стены которого были покрашены в мятно-зеленый цвет, который он всегда считал больничным. Молодой полицейский из Эльзаса стоял навтыжку возле двери палаты мадемуазель Монмори, а Роже, известный всему Дворцу правосудия своим марсельским ухарством и остроумием, болтал с медсестрами возле их стола. Фламан вздохнул и начал спускаться по лестнице, спеша вернуться во Дворец правосудия и заняться сбором информации. Ему хотелось найти в жизни мадемуазель Монмори хоть какие-нибудь подробности, которые пролили бы свет на это нападение и нападавшего.

Площадь Габриэля Пейера, на которой располагались мэрия и церковь Эгюийя, всегда нравилась Верлаку. С края площади открывался великолепный вид в южном направлении: среди виноградников попадались кипарисы, как в Тоскане, и Верлаку площадь всегда напоминала Кортону, особенно этот вид. Обернувшись, он окинул взглядом внушительное четырехэтажное здание мэрии, возведенное из золотистого камня в эпоху Ренессанса для семьи местных богачей. Здание казалось слишком просторным, чтобы вмещать мэрию городка с населением всего лишь восемь тысяч человек. Церковь рядом с ним казалась совсем маленькой.

«Народный банк» находился за углом. Верлак проехал мимо него и припарковал машину на площади, чтобы еще раз полюбоваться видом. До банка он дошел пешком, отворачивая лицо от резкого мистрала. Подняв голову, он увидел перед собой Бруно Полика, запиравшего свой «Ренджровер».

– Привет, Бруно, – поздоровался Верлак.

– Доброе утро, – ответил Полик. – Проклятый ветер!

– Так и не привыкли к нему?

– Какое там! – перекрикивая ветер, отозвался Полик. – А ведь я здесь родился! Вчера вечером я говорил с Оливье Боннаром, передал ему информацию от вашего... эксперта по винам. Оливье снял ключи от погреба с крюка и теперь не расстается с ними. Вместе с сыном он занялся ревизией своих вин.

– Ревизия – дело хорошее, но вор, наверное, сделал копию ключа.

– Я тоже так думаю. Так я Оливье и сказал.

– Кто-нибудь изготавливает на заказ копии ключей в Пюирикаре или Ронь? – спросил Верлак, пока они переходили через улицу.

– К сожалению, нет, – сказал Полик. – К сожалению – потому что в таком маленьком городке, как Ронь, мастер наверняка запомнил бы лицо заказчика.

– Ну, в любом случае в Эксе их должно быть не меньше дюжины, но, поскольку у нас висит дело о покушении на убийство, мы не можем позволить себе отправлять своих сотрудников побеседовать с каждым из этих мастеров.

Полик кивнул:

– Понятно.

Они подошли к двери банка, металлические ставни на окнах которого были закрыты. Тон объявления на двери был непреклонным: «С сожалением извещаем наших клиентов, что по причине покушения на убийство одного из наших сотрудников банк будет закрыт сегодня утром до двух часов пополудни».

– Ого! – Полик переглянулся с Верлаком. – Вот так прямота.

– Да уж. Пойдем к задней двери, нас ждут там.

Они обошли банк с торца и помахали женщине через окно кабинета на первом этаже. Она удалилась в глубь здания. Вскоре дверь открылась, комиссара и судью впустили.

– Мы вас ждали, – сказала сотрудница банка. – Открывать переднюю дверь нельзя: в банк хлынула бы толпа клиентов. Я – помощник управляющего банком, Шарлотта Лиотта. Проходите, пожалуйста. – Она протянула руку и обменялась с мужчинами рукопожатием. С виду мадам Лиотта было лет сорок пять, с серым брючным костюмом из полиэстера она носила мятую шелковую розовую блузку. Ее волосы явно требовали подкрашивания: полдюйма отросших седых корней портили ярко-рыжий оттенок локонов. Верлак предположил, что к сотрудникам эта женщина относится по-матерински заботливо, готовит им чай и кофе, когда они измучены или расстроены. Ему вдруг пришло в голову, что такой сотрудницы у них во Дворце правосудия нет. Мадам Жирар считала подобные занятия ниже своего достоинства.

Мадам Лиотта быстро прошла по коридору мимо нескольких кабинетов с распахнутыми дверями и на редкость неопрятной кухоньки. Заглянув в нее, она бросила через плечо, не замедляя шаг:

– Извините за беспорядок. Мы здесь все в шоке. Но вы, полагаю, еще и не такое видели. – Остановившись, она обернулась: – Я имею в виду – на работе, конечно. Не дома.

Они вышли в небольшой вестибюль, где уже собрались сотрудники банка: одни сидели и пили кофе, другие слонялись из угла в угол. Верлак быстро пересчитал их: вместе с мадам Лиотта здесь было пять человек.

– Итак, внимание! – громко заговорила Шарлотта. – Судья и комиссар пришли побеседовать с вами. Допросы будут продолжаться до полудня, а ровно в два часа дня банк снова откроется для клиентов. – Она уперла руки в широкие бедра и кивнула в сторону Полика.

– Благодарю, мадам Лиотта. Я комиссар Полик, а это – судебный следователь Верлак. То, что случилось минувшим вечером, – ужасно, нам понадобятся любые подробности и зацепки, все ваши соображения о том, почему такое могло случиться с мадемуазель Монмори. Мы...

– С ней все будет хорошо? – дрогнувшим голосом перебил молодой человек.

– Она в критическом состоянии, – честно ответил Полик. – Но ее врач, с которым я говорил сегодня утром, был настроен оптимистично.

По вестибюлю пронесся шепот облегчения. Седой североафриканец, беспокойно бродивший туда-сюда, вытер взмокший лоб носовым платком.

– Камиль, Сюзанне не станет легче, если вы вытопчете ковер, – заметила мадам Лиотта.

– Вы месье Иакелья, директор отделения банка? – спросил Верлак.

– Да. Прошу прощения. – Камиль подошел пожать руки пришедшим. – Я в полном смятении. Извините.

– Я приготовлю вам чаю, Камиль. С медом и лимоном, – пообещала мадам Лиотта. Верлак с удовольствием отметил, что его догадка о склонности этой женщины опекать коллег подтвердилась.

Полик продолжал:

– Сначала мы поговорим со всеми вместе, а затем – по отдельности с каждым из вас. Для начала я хотел бы выяснить, не рассказывала ли мадемуазель Монмори кому-нибудь из вас за последнюю неделю о своей личной жизни – что угодно, может, делилась тревогами, призналась, что поссорилась с другом, и так далее.

Сотрудники банка переглянулись, потом вперед выступила молодая женщина в узкой мини-юбке.

– Сюзанна была та еще тихоня. О своей личной жизни не распространялась, с нами никуда не ходила. Верно? – Она оглядела своих коллег, и те закивали.

– Это потому, что ты была резка с ней, Шэрон, – заявил парень.

– А вот и неправда, Гюстав! Прошу прощения, офицеры. Я Шэрон Пальяр. Шэрон – как Шэрон Стоун.

К счастью для Верлака, Полик выступил вперед и пожал ей руку. Широкие плечи комиссара на время заслонили лицо судьи и вспыхнувшую на нем усмешку. Черные волосы мадемуазель Пальяр были стянуты в конский хвост, пухлые губы ярко накрашены, и если не считать короткой юбки, сходства между ней и актрисой не было ни малейшего.

– Мадемуазель Пальяр, – заговорил Полик, – как вы думаете, почему мадемуазель Монмори, как вы сказали, тихоня?

Молодая женщина одернула юбку и пожала плечами:

– Без понятия. Может, просто была слишком стеснительная. Или считала, что мы ей не ровня?

– Она жива, перестань говорить о ней в прошедшем времени! Я Гюстав Лапьер, – обратился парень к Верлаку. – Снобизмом Сюзанна не страдает. Просто не смешивает работу и личную жизнь.

– Это вы нашли ее, так? – спросил Верлак у парня, одетого в отутюженный костюм, рубашку и галстук. Парень выглядел слишком юным для работы в банке. Верлак не сразу вспомнил, что он недавний выпускник экономического института.

– Да, – подтвердил Лапьер, не поднимая глаз от вытертого ковра. – Это я вчера поздно вечером был во Дворце правосудия.

– Ясно. Об этом мы поговорим потом, с глазу на глаз, – пообещал Верлак. – Кто из вас знаком с мадемуазель Монмори дольше всех?

Руки подняли Камиль Иакелья и Шарлотта Лиотта.

– Мы... точнее, Камиль принимал Сюзанну на работу, а я в то время уже работала здесь, – объяснила мадам Лиотта, которая только что принесла чай для своего босса. – Я ведь работаю в этом банке уже почти двадцать лет.

– Верно, – кивнул месье Иакелья. – Сюзанна приступила к работе через несколько месяцев после меня. Она как раз получила диплом в области финансов и стала первой, кого я нанял.

– Она родом из Эгюийя? – спросил Полик.

– Выросла в Эксе, – ответил месье Иакелья. – Потому и обрадовалась, когда для нее нашлась работа на полную ставку так близко от дома, здесь, в Эгюийе.

– У нее есть друзья и родные в Эксе?

– О да, по крайней мере родные, – ответила мадам Лиотта, а месье Иакелья сел и снова вытер лоб. – Ее родители живут к северу от центра, у нее есть брат и сестра, оба старше ее, они уже состоят в браке. Но ни племянников, ни племянниц пока нет!

Мадам Лиотта обвела взглядом остальных, и Гюстав Лапьер уставился в потолок.

– И парня нет? – спросил Полик.

– Нет, – ответила мадам Лиотта.

– Все правильно, – подтвердил Гюстав Лапьер. – Она сама мне так сказала.

Шэрон Пальяр фыркнула.

– Шэрон, уймись! – нахмурилась мадам Лиотта.

Верлак раздраженно переглянулся с Поликом, тот заговорил:

– Видимо, от бесед наедине толку будет больше. Начнем прямо сейчас. Сначала мы поговорим с месье Лапьером, а потом – с каждым из вас. Где нам можно расположиться?

– У меня в кабинете, – подала голос мадам Лиотта. – Там уже все готово. Принести вам кофе?

– Да, будьте добры, – в один голос ответили Верлак и Полик.

Они вошли в кабинет мадам Лиотта вместе с Гюставом Лапьером и закрыли дверь. Верлак занял стул хозяйки кабинета, Полик и Гюстав сели напротив него, по другую сторону стола.

– Мне известно, что вчера поздно вечером вы встречались с комиссаром Поликом.

– Да, – кивнул Лапьер.

– Извините, но придется еще раз задать вам те же вопросы, что и вчера, и напомнить о недавних событиях, которые наверняка вас травмировали, и это еще мягко сказано.

Лапьер кивнул, на глаза у него навернулись слезы. Оглядевшись по сторонам, Верлак заметил на видном месте коробку с бумажными платками. Неужели мадам Лиотта поставила ее сюда, готовясь к сегодняшним допросам, или коробка стояла здесь всегда?

– Никогда не видел ничего страшнее. «Травма» – да, не то слово, – подтвердил Лапьер. – Точнее было бы сказать «пытка».

Верлак изумленно уставился на собеседника.

– Там на двери есть звонок? – спросил он.

– Да, – кивнул Лапьер. – Я позвонил, но, конечно, мне никто не ответил. Я уже собирался уходить, когда с работы пришла соседка и впустила меня.

– В какое время это было? – спросил Полик.

– Около половины восьмого. Я ушел из банка в шесть тридцать, как и месье Иакелья, потом зашел выпить пива в бар на другой стороне улицы. Так сказать, для храбрости.

Верлак переглянулся с Поликом, тот кивнул, продолжая делать записи. Убийцу мог впустить и кто-нибудь из соседей. Жаль, что никто из этих соседей ничего не слышал.

– Тот, кто напал на Сюзанну, мог войти таким же образом, как я, или это был кто-то из знакомых Сюзанны, и она сама его впустила, – словно прочитав их мысли, добавил Лапьер. – До меня только сейчас это дошло.

– Верно, – кивнул Верлак. – Расскажите мне о Сюзанне. Вы, по-видимому, хорошо знали ее и относились к ней с уважением.

– Как я уже сказал вчера вечером, – начал Лапьер, коротко взглянув в сторону Полика, – я направлялся к Сюзанне не столько проведать ее – она жаловалась всего лишь на боль в горле, – сколько пригласить ее на ужин. На работе это было бы невозможно. Вы же видели, какая здесь атмосфера... Мадам Лиотта опекает нас, как малых детей, Шэрон в своих вульгарных мини строит из себя примадонну...

Верлак отметил, что короткие юбки Шэрон вызывают у Лапьера явную неприязнь.

Лапьер потянулся через стол, вытащил из коробки бумажный платок и высморкался.

– Чем дольше я работал вместе с Сюзанной, тем больше увлекался ею. В ней есть загадка, она не похожа на других девушек, с которыми я встречался. Она симпатичная, модно одевается, но говорит обычно о вязании и смотрит исторические сериалы – такие нравятся моей маме. Она не такая, как все, понимаете?

Его слушатели дружно кивнули. Оба состояли в отношениях с женщинами, которых Гюстав Лапьер тоже считал бы «не такими, как все» и даже «загадочными». Верлаку представилась Марин, уютно устроившаяся на диване, потягивая односолодовый виски и читая мемуары Жан-Поля Сартра. А Полику – Элен в синем хлопковом рабочем комбинезоне, какие носят фермеры по всему миру, стоящая на коленях на каменистой почве виноградника в поместье Боклер и отщипывающая пробы листьев с лоз, чтобы принести их домой и подвергнуть тщательному ежедневному изучению. «Я осматриваю их в поисках вредителей, – объясняла она

мужу. – Если черных пауков больше, все в порядке. Если слишком много рыжих пауков, пора приступать к опрыскиванию».

– Продолжайте, – попросил Верлак, откидываясь на спинку вращающегося кресла мадам Лиотта.

– Ну, вот я и пошел к Сюзанне, чтобы пригласить ее, – это все. Но вы, наверное, об этом уже знаете – от полицейского, который расспрашивал меня вчера ночью...

– Это был прокурор Руссель? – уточнил Полик.

– Да, он самый. Он спросил, как я узнал, где живет Сюзанна. Я мог бы посмотреть ее адрес здесь, в банке, но на прошлой неделе как-то вечером я провожал ее домой. Просто было любопытно.

Его слушатели переглянулись. Верлак поднял брови, Полик сделал еще одну запись.

– Вчера вечером вы нашли ее – и что потом? – спросил Верлак.

– Я ничего не трогал, – торопливо ответил Лапьер. – Я видел достаточно детективных сериалов, поэтому знаю, что трогать ничего нельзя, и вдобавок я понял, как сильно пострадала Сюзанна. Я вытащил из кармана мобильник и сразу же набрал «скорую». Выглядела она ужасно.

Гюстав Лапьер обхватил себя обеими руками, скорчился и начал всхлипывать. Полик переглянулся с Верлаком, судья запустил пальцы обеих рук в густые черные волосы, но промолчал.

## Глава 7

### Лимонный кекс

Камиль Иакелья хотя и не всхлипывал, но выглядел таким же подавленным, как Гюстав Лапьер. Веки у главы отделения банка припухли, глаза то и дело наливались слезами, и он, садясь напротив Верлака, первым делом придвинул поближе к себе коробку с бумажными платками мадам Лиотта.

– Мне очень жаль, что вы познакомились со мной и моим маленьким, но чрезвычайно эффективным штатом подчиненных при таких плачевных обстоятельствах, – негромко произнес он.

– Мне тоже, – сказал Верлак. – Мадемуазель Монмори, по-видимому, – тихая и скромная молодая женщина.

Иакелья кивнул:

– Именно. Во время своего первого собеседования здесь со мной она говорила так тихо, что пришлось попросить ее говорить погромче. Но я сразу понял, что она умница.

– Вам известно что-нибудь о ее личной жизни? – спросил Верлак.

– Не больше, чем смог рассказать вам Гюстав. Я знаю, что ее родители и остальные близкие родственники живут в Эксе. Мне следовало узнать о ней больше, и эта мысль гложет меня, понимаете? Особенно теперь.

– Понимаю, – согласился Верлак. – В последнее время она не казалась чем-то обеспокоенной? Не такой, как обычно?

Иакелья с удивленным видом покачал головой:

– Нет... нет. Я, конечно, не настолько наблюдателен и сожалею об этом, но она казалась прежней тихой Сюзанной. Увы, мне, как руководителю, чаще приходится иметь дело с подчиненными, у которых возникают проблемы или которые открыто выражают недовольство. А молчаливые и старательные просто терпят, ведь так?

Полик и Верлак улыбнулись.

– А в тот день, когда она ушла пораньше? – уточнил Верлак. – Все было как всегда?

– Да, она вела себя как обычно, – подтвердил Иакелья. – В течение рабочего дня все мы слышали, как она постепенно хрипнет и теряет голос. Мадам Лиотта заподозрила у нее синусит, всполошилась и отослала домой около четырех.

Верлак задумался: если Сюзанна лишилась голоса, значит, вряд ли могла позвать на помощь. Группа полицейских сегодня занималась опросом жильцов трехэтажного жилого дома, где находилась и квартира мадемуазель Монмори. Может, кто-то из соседей, ни о чем не подозревая, впустил человека, который напал на нее?

– В какое время покинули банк все остальные? – продолжал расспросы Верлак.

– Мы прекращаем прием клиентов в шесть вечера и обычно успеваем навести здесь порядок – я имею в виду финансовые дела, а не поддержание чистоты – к половине седьмого. Я ушел в шесть тридцать, вместе с Гюставом. Остальные – раньше, чем мы, между шестью и половиной седьмого.

– Благодарю, – отозвался Верлак. – На этом все.

– Не могли бы вы держать нас в курсе? – спросил Иакелья, и его глаза снова увлажнились. – Мадам Лиотта сегодня утром звонила в больницу, но с нами даже говорить не захотели.

– Так распорядилась полиция, – объяснил Верлак. – Конечно, мы будем держать вас в курсе расследования. До свидания. Попросите, пожалуйста, мадам Лиотта зайти сюда.

Иакелья тихо вышел из кабинета, Полик повернулся к судье:

– Видимо, преступник знал часы работы Сюзанны. Но никак не мог знать, что в тот день она вернется домой раньше обычного, если только не работал здесь же, вместе с ней. Значит, можно сделать вывод, что нападение произошло ближе к половине восьмого.

– И я так думаю, – кивнул Верлак. – Если она каждый день уходила из банка между шестью и половиной седьмого и тратила на дорогу пешком десять минут, он, возможно, поджидал ее. Но ведь это рискованно – нападать вот так, среди бела дня, разве нет? Почему он не дождался вечера, когда никто не увидел бы, как он входит в здание?

– Женат? – предположил Полик. – Или работает в ночную смену?

– Или просто не боялся, что его увидят, – подхватил Верлак. – Потому что выглядел респектабельно. Не внушал беспокойства. Был в костюме и при галстуке.

– Банкир?

– Или представитель любой другой интеллигентной профессии. Привлекательный с виду. Симпатичным людям проще живется в этом мире. Им чаще доверяют.

Полик кивнул. Лысую голову комиссара пересекал шрам, нос был курносый, одна ушная раковина пострадала в свалках во время игры в регби и деформировалась. Он посмотрел на Верлака, который хотя и не блистал классической красотой, но среди женщин считался видным мужчиной.

В дверь постучали, мадам Лиотта внесла поднос.

– Стучаться в собственный кабинет – забавно! – заметила она, ставя поднос на стол. На нем разместились три чашки кофе, сахарница с тремя ложечками и три ломтика кекса. – Я испекла этот лимонный кекс вчера вечером, после того как Камиль позвонил мне и сообщил, что на Сюзанну напали. Мне требовалось хоть чем-нибудь себя занять. – Улыбаясь, она подала мужчинам кофе и кекс, не спрашивая, хотят ли они попробовать. Потом уселась и замерла с серьезным лицом: ее задача хлопотливой матери семейства была выполнена. – О личной жизни Сюзанны я знаю немного, – не дожидаясь приглашения, начала она. – Но мне известно, что года два назад она встречалась с молодым человеком из Экса. Насколько я понимаю, все было серьезно, по крайней мере для Сюзанны, пока он вдруг не уехал.

– Уехал? – переспросил Верлак.

– Да, переселился в Монреаль. Совершенно неожиданно. Об этом Сюзанна рассказала мне однажды утром, когда я принесла ей кофе и заметила, что она расстроена. По глазам было видно, что она плакала.

– Просто взять и переехать в Монреаль невозможно, – возразил Верлак. – Процесс занимает несколько месяцев, если не целый год, приходится собирать массу бумаг, чтобы эмигрировать.

Мадам Лиотта кивнула:

– Вот именно. А он собирался тихой сапой, даже не соизволив известить Сюзанну. Бедняжка считала, что он ее использовал. – Она подалась вперед и добавила шепотом: – В корыстных интересах.

– Что вы имеете в виду? – уточнил Верлак. – Секс?

– О нет! – воскликнула мадам Лиотта. – Сюзанна говорила, что, по ее мнению, он ухаживал за ней, чтобы произвести впечатление на своих родных. Когда она расплакалась у меня на груди, то все твердила, будто бы он встречался с ней только ради того, чтобы появиться на двух свадьбах своих родных этим летом вместе с очаровательной спутницей.

– Они расстались по-хорошему?

– Нет, – покачала головой мадам Лиотта. – Они рассорились, по словам Сюзанны. А еще она под строжайшим секретом призналась мне, что у него не все ладилось... м-м, в постели...

Верлак бросил взгляд на Полика, который строчил в своем блокноте. Мадам Лиотта выпрямилась, откусила кекс и высоко подняла брови, наслаждаясь вкусом.

– А как зовут этого человека, вы не помните? – спросил Верлак.

– Его имя – Эдмон. Довольно редкое, старомодное и какое-то буржуазное. Может быть, его фамилию знают родные Сюзанны? Еще я слышала, что он работал в отделе логистики марсельского аэропорта. Сюзанна упоминала, что канадцы нанимают французов с опытом подобной работы.

– Благодарю вас, мадам. Вы можете сообщить нам еще что-нибудь о жизни Сюзанны за пределами банка?

Мадам Лиотта отставила тарелку и вытерла руки салфеткой.

– Нет. Сюзанна – тихая и молчаливая девушка. Я очень удивилась, когда в то утро она так подробно рассказала мне про Эдмона. Но с тех пор подобные разговоры не повторялись.

– У нее постоянный режим работы? – спросил Верлак.

– Да, если не считать вчерашнего дня, когда она ушла пораньше, и одного случая на прошлой неделе, когда она отпрашивалась к врачу. Мне она сказала, что это обычный периодический осмотр. Уточнять я не стала.

– Вы знаете фамилию ее врача? – спросил Верлак.

– Не могу припомнить, но вам наверняка скажет Патрисия, наш кредитный инспектор. Это она порекомендовала Сюзанне врача, узнав, что та ищет специалиста здесь, в Эгюийе.

– Благодарю, мадам Лиотта. И спасибо за кекс. Сейчас мы его попробуем.

Мадам Лиотта вышла, а судья и комиссар принялись за кекс и быстро расправились с ним.

– Отличный, – оценил Верлак. – Жаль, что от мадам Жирар такого не дождешься.

– Это противоречит правилам ее диеты, – объяснил Полик с набитым ртом. Последним кусочком кекса он подобрал с тарелки крошки.

Верлак улыбнулся.

– Соберите все, ничего не оставляйте.

– Обязательно.

– Давайте-ка позовем сюда этого кредитного инспектора и поговорим с ней, – предложил Верлак и тут же осуществил задуманное, выглянув за дверь.

Патрисия Пон оказалась элегантной женщиной между тридцатью пятью и сорока годами. Стройная, среднего роста, в строгом бледно-голубом костюме – в отличие от мятого полиэстера мадам Лиотта, – сшитом из качественного льна. Губы на ее удлинённом лице с ярко-голубыми глазами были лишь слегка тронуты бледно-розовой помадой. Ожерелье – необычное, сделанное из больших прозрачных стеклянных бусин, плотно облежавшее шею, – свидетельствовало, что в неслужебное время дама одевается с шиком.

– Я работаю здесь с неполной нагрузкой, – не теряя времени, объявила она. – А еще – в более крупном отделении банка в Вантабране, где и живу.

– Вы хорошо знакомы с Сюзанной Монмори? – спросил Верлак, уже зная, что услышит в ответ.

– Нет, поскольку я здесь появляюсь периодически. Нет.

– Мне сказали, у вас с Сюзанной общий врач, – сказал Верлак.

– Да, доктор Вильон, Жан-Франсуа. Его приемная на этой же улице, в доме сорок шесть, на втором этаже, над еще одним новым агентством недвижимости. Уже четвертым, если не ошибаюсь.

– Раньше мне казалось, что в Провансе больше всего парикмахерских, – заметил Верлак. – Но вы правы, теперь их превосходят численностью агентства недвижимости. Зачем мадемуазель Монмори понадобился новый врач?

– Ее врач вышел на пенсию.

– На что она жаловалась?

Поколебавшись секунду, мадам Пон ответила:

– На желудочный грипп.

– Что еще вам о ней известно? – спросил Верлак.

Мадам Пон улыбнулась.

– За исключением того, что у нас с ней общий врач, я почти ничего не знаю о Сюзанне. У меня трое детей, поэтому я, уходя с работы, отключаю свое «банковское мышление».

– Невозможно было не заметить враждебности в голосе Шэрон при упоминании о Сюзанне Монмори, – высказался Верлак.

– Ох уж эта Шэрон, – вздохнула мадам Пон. – Все очень просто, почти нечего рассказывать: Шэрон и Сюзанна ждали повышения и метили на одно и то же место, которое в результате досталось Сюзанне. По-моему, Шэрон завидует, вот и все.

– Да, вполне возможно, – кивнул Верлак. – Спасибо. Если вы вспомните еще что-нибудь необычное в поведении или в настроениях Сюзанны в последнее время, позвоните нам, хорошо?

– Конечно, – пообещала мадам Пон. – Кстати, вы видели мое объявление на входной двери?

– Это вы написали? – подал голос Полик. – Звучит прямолинейно.

– Да, и мне хотелось, чтобы в нем фигурировало слово «изнасилована», но Камиль не разрешил.

Верлак молча кивнул, он был согласен с решением главы банка.

– У меня две дочери, – продолжала мадам Пон. – Ради всех нас этого человека надо арестовать.

– Его арестуют, – ответил Верлак. – Обещаю вам.

Мадам Пон молча покинула комнату, но посоветоваться Верлак и Полик так и не успели: в дверь заглянула Шэрон Пальяр.

– Привет-привет! – Она решительно прошла в кабинет и села. – Я готова, валяйте!

«Неужели не могла хотя бы притвориться, что расстроена нападением на мадемуазель Монмори?» – мысленно возмутился Верлак и раздраженно спросил:

– Вы не любили ее, да?

Если Шэрон Пальяр и была удивлена его прямоотой, то не подала виду.

– Ну, я бы так не сказала, – ответила она, помолчала несколько секунд и добавила: – И я сочувствую ей из-за вчерашнего, представляете?

– С трудом, – признался Верлак. – Она когда-нибудь делилась с вами подробностями своей жизни?

Мадемуазель Пальяр рассмеялась.

– Нет! Мы сторонились друг друга.

– Почему?

– Ну... просто у нас нет ничего общего, вот и все.

– Значит, вы ничего о ней не знаете? Хотя вы обе женщины и вдобавок ровесницы?

– Я старше, – поправила Шэрон, одернула юбку и выпрямилась. – Но... видите ли, кое-что о ней я все-таки знаю. Например, что живет она скучно, только и знает, что смотреть фильмы про какую-то старину и подлизываться к месье Иакелья и мадам Лиотта.

– Вот как?

– Если уж хотите знать, месяц назад при повышении мы претендовали на одно и то же место, а получила его она. У меня больше опыта, я старше, а все равно выбрали ее. Видели бы вы, как она себя с клиентами ведет! Вся такая рассудительная и серьезная! А я просто болтаю с ними, понимаете? Поднимаю им настроение на целый день. Расспрашиваю о детях и внуках, и все такое.

Верлак улыбнулся, радуясь, что у мадемуазель Пальяр нет доступа к его банковскому счету.

– Вы злитесь на нее за то, что она получила повышение? – спросил он.

– Эй, минуточку! Вы мне лишнего не приписывайте!

– Это и ни к чему, – объяснил Верлак. – Вы сами так сказали.

Мадемуазель Пальяр замялась.

– Я не говорила, что терпеть ее ненавижу.

Полик в точности записал ее слова и нарисовал на полях звездочку: его десятилетняя дочь Лия часто пользовалась этим выражением. По крайней мере раньше, когда ей было лет семь или восемь.

– Можете идти, – разрешил Верлак.

Шэрон шумно поднялась и, уходя, фыркнула и чпокнула жвачкой.

– Ладно, – сказала она в дверях. – До скорого.

Полик закрыл дверь, повернулся к судье и спросил:

– Подозреваемая?

Верлак откинулся на спинку кресла.

– Не знаю. Она не скрывает пренебрежения и зависти к мадемуазель Монмори, а виновный постарался бы скрыть их. Соображает она туго и зла, как черт. Но достаточно ли зла, чтобы подстроить жестокое нападение на коллегу?

Полик пожал плечами и захлопнул блокнот.

– Куда теперь – в больницу или во Дворец правосудия?

– Едем во Дворец, посмотрим, как продвигаются дела у Алена. Заодно проверим и бывшего парня. Узнать фамилию человека по имени Эдмон, работавшего в марсельском аэропорту, вряд ли будет сложно. Кстати, у вас ведь, кажется, есть кузен, который там работает?

## Глава 8

### Я есть, она есть

Марин Бонне переступила с ноги на ногу, злясь, что приходится стоять в очереди на почту в единственный свободный от занятий день. Большой плотный конверт она приготовила заранее, но оба автомата, которые взвешивали и штемпелевали бандероли, оказались неисправными. Марин была довольна своим очерком о том, какие отношения связывали Оноре Мирабо, знаменитого политика и литератора из Экс-ан-Прованса, с Томасом Джефферсоном и как они восхищались друг другом. Ей даже казалось, что этот очерк достоин стать главой в задуманной ею новой, современной и чрезвычайно необходимой биографии Мирабо. Биографии были ее излюбленным литературным жанром, чем Антуан Верлак постоянно поддразнивал ее. «Вуайеристка» – так он ее назвал недавно, застав читающей в постели биографию Алиеноры Аквитанской.

– Дело не в том, что мне нравится заглядывать в чужую жизнь, – ответила Марин. – Хотя, конечно, нравится. Но я люблю биографии потому, что этот жанр охватывает множество дисциплин – политику, историю, искусство, науку, религию, гендерную политику и так далее, и так далее.

– Понял, – отозвался Верлак, укладываясь в постель с книгой и очками на носу.

– А тебя разве не интересует жизнь поэтов? – спросила она, заметив, что в кои-то веки Верлак читает не антологию Филипа Ларкина, а сборник Чеслава Милоша.

Верлак засмеялся:

– Нисколько. Пожалуй, их жизнь только разочаровала бы меня.

– Очень жаль, – заметила Марин. – А мне кажется, она помогла бы тебе понять их стихи.

– Не думаю, что жизнь человека имеет хоть сколько-нибудь заметное отношение к его творчеству.

Марин положила свою книгу на колени.

– Насчет этого не уверена. Возьмем, к примеру, того английского поэта, который сочинял стихи, гуляя по Озерному краю вместе с сестрой...

– А-а, Вордсворт.

– Разве тот факт, что он постоянно гулял среди гор, никак не отразился в его поэзии?

Верлак придвинулся к Марин и поцеловал ее.

– Ты права, отразился. А сама не хочешь рискнуть?

Марин рассмеялась:

– Надеюсь, ты имеешь в виду не прогулки в горах и сочинение стихов?

– Нет! – со смехом возразил Верлак. – Написание биографии.

– При моем-то преподавательском графике?

– Энтони Троллоп писал рано утром, перед уходом на почту, где он работал.

– Ну, в таком случае твой мистер Троллоп был гораздо талантливее, чем я когда-либо могу рассчитывать стать.

– Марин, – продолжал Верлак, – каждый год ты примерно пять месяцев отдыхаешь от занятий в университете.

– Да, – подтвердила она. – Именно в это время я веду исследования и пишу статьи.

– Так забудь про статьи и вместо них напиши книгу. Устрой себе творческий отпуск.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.